

Галина Дитрих
Александр Теренин

ОДЕГ
РЯЗАНСКИЙ

Галина Георгиевна Дитрих Александр Васильевич Теренин Олег Рязанский

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901739

Олег Рязанский. / Галина Дитрих, Александр Теренин. -: Пробел-2000;

Москва; 2011

ISBN 978-5-98604-256-5

Аннотация

«Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст...» Эта библейская истина, высказанная Иисусом Христом, стала, вероятно, основополагающей для авторов неординарной книги о неординарном герое русского средневековья князе Олеге Рязанском.

Тщательно изучив и пропустив через себя суждения историков, мифы и легенды о нем, как добрые, так и не очень, авторы не «осквернили» своих уст недобрыми словами и создали книгу необыкновенной и проникновенной красоты и чистоты.

Содержание

Вразумление дню сегодняшнему	4
Эпизод 1	7
Эпизод 2	30
Эпизод 3	50
Эпизод 4	71
Эпизод 5	84
Эпизод 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Галина Дитрих, Александр Теренин Олег Рязанский. Жизнь и деяния

Вразумление дню сегодняшнему

Говорят, что день сегодняшний есть вразумление дню завтрашнему. А коли это так, то со всей уверенностью можно заявить: вчерашний день – великий урок времени нынеш-

нему. Поставив своей задачей поведать как в историческом, так и нравственном аспекте жизнь и деяния князя Олега Рязанского, современника и близкого родственника Дмитрия Донского, авторы предлагаемой книги во всей полноте раскрывают дух и нравы той не так уж и далёкой эпохи, показывают очень непростую ментальность наших предков, передающуюся на генном уровне и нам, потомкам, вершащим историю современной России – историю сложную и противоречивую.

Личность Олега Рязанского, как известно, довольно резко охарактеризована «Колумбом» нашей истории Н.М. Карамзиным, но рядом других историков, как-то: Д. Иловайским, Л. Гумилёвым, А. Кузьминым – трактуется совсем по иному. Своеобразно показывают князя и авторы предлагаемой книги. Говоря о личных сложных отношениях Олега с Дмитрием Донским, они как бы подводят читателя к мысли: дела семейные нередко оказываются делами государственными. Отказавшись от сложившихся догм, пристрастной интерпретации фактов, авторы создали глубокую духовно-историческую драму, в которой, что очень важно, обратили внимание на феномен совести – совести как основы человеческого понимания и достойного разрешения проблем государственного строительства в России. Как в прошлые лета, так и теперешние.

Книга, великолепно передающая колорит, язык, дух эпохи, написана как бы на одном дыхании. На одном дыхании

она и прочитывается.

Эпизод 1

Камень преткновения

1372 год

Конец октября, дожди, дожди... На отшибе да в одиночку завязнешь по уши в грязи и леший с тобой в догонялки играть будет, его настали денечки. Но то к ночи, а сейчас полдень. Гуси в лужах, козы в кустах, собаки на привязи – мир и покой в городе.

У кремлевской угловой башни осадил всадник коня, хлестанул по воротам плетью:

– Отворяй врата, Дмитр Иваныч, соседу заокскому!

А в ответ тишина...

Как ни рядился всадник под простолоюдина, а караульный, глянув в смотровую щель, сразу определил, что несуразица

изо всех швов наружу прет. Сапоги мужицкие, а шпоры золоченые. На плечах сермяжий зипун, а в его распахе виден кафтан с пупками собольими вместо пуговиц – при встрече любой встречный поклон отобьет. К чему пускать пыль в глаза, ежели год назад приезжал он в помощь Дмитрию Ивановичу биться супротив Ольгерда, князя литовского? Кремлевским караульщикам доверять можно, они лучше других знают кто друг, а кто враг князя московского.

На некотором отдалении от всадника его конвой. Палицы под полой, правая рука у ножен. Любопытствующих и собак ближе пяти саженей к охраняемому лицу не подпускают. На горке в межречьи Фильки и Сетуни, откуда Москва видна как на ладони, послали в Кремль гонца с уведомлением о прибытии высокого гостя. А гость и впрямь ростом высок. И в плечах широк. И ноги широко ставит. Заломил на голове шапку свою знаменитую, не снимая ее ни зимой, ни летом, а по слухам, будто бы и ночами, и закричал громче прежнего:

– Эй, хозяин, как воздвиг вокруг Кремля стены белокаменны, так и не достучаться!

Оконце дверное приотворилось и оттуда возник голос князя московского:

– А веревочка при дверях на что? Дерни за нее, колоколец голос подаст, сторожевой услышит, свистнет дверовому – ворота и откроются!

– По старинке, Дмитр Иваныч, проще, вдарил кулаком и дверь нараспашку!

– Жизнь-то вперед движется... Кто на реке Лопасне под покровом твоего имени самоходную телегу изладил? Не твой ли пустомеля Емеля? Водрузил на колеса печь кирпичную, на колья нарыльники насадил, сунул в топку поленья березовые и давай поля пахать, перепаживать: чад, гарь, дым, копоть – дышать нечем, а Лопасня-то моя земля!

– Пора бы знать, Дмитр Иваныч, что дровишки березовые не в копоть, а в деготь идут... Что же касается Лопасни...

Князь московский перебил гостя, взял под локоток, ввел в стольную, усадил в красный угол, сказал доверительно:

– С твоим Емелей и моей Лопасней разберемся позже, ежели ты, Олег Иваныч, не возражаешь.... – и поскольку гость не возражал, добавил: – побудь чуток в одиночестве, пока я насчет баньки распорядюсь со всеми вытекающими последствиями. А, может, желаешь на кулачные бои посмотреть в притонном месте за старым каменным мостом либо податься на поле Ходыньское с бузой и хороводами?

Но Олег Рязанский категорически отказался, дескать, завтра постный пятничный день и грех предаваться всякого рода увеселениям, Следует отставить в сторону все дурные помыслы, не творить никаких игр с забавами, а там, где объявятся звуки домр, цимбал, волюнок с сопелями и ложек плясовых с колокольцами, то все эти бесовские игрища игнорировать!

Хозяин чуть дар речи не потерял:

– Опомнись, Олег Иваныч, пост завтра, в пятницу, а ны-

не только четверг... – но не договорил до конца, открыл дверь и удалился. Распорядиться насчет баньки, но без последствий...

Олег Рязанский усмехнулся, огляделся. В поле зрения попал стол дубовый, сундук железом окованный, над ним полка с книгами в переплетах кожаных. Взял в руки одну. Крайнюю. Оказалась с письменами князя киевского Владимира Мономаха. Открыл страницу наугад, читать стал:...”на войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод. Сторожей сами наряжайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по сторонам, внезапно ведь человек не погибает... Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь... Что надлежит делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охоте, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя...”

Еще подивился Олег Иванович мудрым наставлениям Владимира Мономаха, примерил его советы на себя, остался доволен. Перевел взгляд в окно угловое. Там светилась маковка первой каменной церкви в Москве во имя Ивана Лествичника, возведенной по указанию московского князя Ивана Калиты в связи с рождением у него сына Ивана. А другой московский Иван, Иван Грозный, перенесет этот храм Божий на другое место, чтобы на месте перенесенного воздвигнуть колокольню “Иван Великий”.

Из другого окна виден конюшенный двор, куда, крепко

ухватив за поводья, увели строптивного коня князя рязанского. Впрочем, и владелец коня строптив был не менее, хотя и старался держать себя в узде, смирять страсти, избегать сомнительных споров, выглядеть невозмутимым в показном спокойствии.

В простенке меж окон висела холстина с изображением кремлевской стены, спуском к реке с лодками, деревьями на берегу, синим небом, белыми облаками и пояснительными надписями: град Москва, град Коломна, река Ока, земля Рязанская...

По возвращении хозяина, гость не замедлил выразить восхищение изображению:

– Совсем как в жизни, даже лучше! Искусный у тебя рисовальщик! Одного не понять, почему моя Коломна изображена на твоей стороне реки?

– Олег Иваныч, предлагаю разговор о Коломне отложить на некоторое время, если ты, конечно, не возражаешь?

Гость, разумеется, не возражал, ради чего тратить время на возражения?

– Что касается рисовальщика, – продолжил хозяин, – то я его выменял в ханской ставке на сына Мамаю! Задумал тот по неопытности завладеть суденышком купца муромского, а не учел, что часть Волги ниже слияния с Окой под присмотром новгородских ушкуйников и сынка мамаева в миг повязали. Тут и я подвернулся. В Орду ехал. Взял с собою

его. Когда же мамаев отпрыск от радости распластался у ног Мамаю, тот поднял его, обнял, облобызал и сказал, что человеческая жизнь есть вечный конфликт между “нельзя” и “можно”, и если кто не способен этого различить, пусть и не пробует! И добавил, что в роду его мамаевом живых плененных сроду не было, а безмозглые и безрукие, оказывается, есть! Выпрямился Мамай во весь свой короткий рост и приказал нукерам умертвить сына! Нукеры поспешили уточнить – как именно? Закатать в ковер или удушить шелковой тетиной? По их диким понятиям запрещается проливать ханскую кровь, иначе вместе с кровью и душа вытечет... На голову приговоренного надели войлочный колпак бродячего дервиша, завязали под подбородком и от недостатка воздуха страдалец умер. Бескровно.

Не по чину вроде бы лишил сына жизни Мамай, он, ведь, не ханской крови, а всего лишь доверенное лицо хана, удачливый выдвигенец.

– В женах у Мамаю дочь хана Бердибека, пусть уже почившего, но хана, и это веский довод считать сына ветвью чингизовой. По их понятиям, материнская кровь выше отцовской, значит, смерть сына выполнена по правилам...

Пока ели-пили говорили о пустяжных вещах: о дегтярне, скоморохах, лодках, погоде...

– ...как в прошлом году погасло вдруг солнце и столь велика была тьма, что на расстоянии сажени нельзя было различить лица человеческого...

— ...как в позапрошлом году ночами зимними по небу черному, беззвездному, перемещались столпы огненные и снег на земле казался политым кровью...

— ...как пять лет назад по страшному горела Москва! Бурия метала огонь на десять дворов вперед и начисто погорел Кремль с дубовыми стенами, рублеными при Иване Калите и как он, князь Дмитрий, внук Калиты, поклялся одеть Кремль в камень, чтобы огонь не спалил и враг не достал... — и ну хвастать, как он, князь Дмитрий, всего за один год возвел вокруг Кремля стены с башнями из белого камня!

Не современник того времени может подумать, что Дмитрий Иванович сам додумался до этой идеи. Увы, в год строительной кампании ему едва исполнилось 16 лет. Пусть и успел жениться в пятнадцать, на что ума много не надобно. Реальным организатором фортификационных сооружений был митрополит московский Алексий, с благословения которого построен и Андронников монастырь, и Чудов монастырь на месте посольства татарского. Будучи радетелем духовных дел, владыко не гнушался заниматься мирскими тяжбами, а для душевной радости на склоне Боровицкого холма, обращенного к реке, саморучно развел сад с фруктовыми деревьями. Активный во всех деяниях он сумел сплотить вокруг себя бояр-единомышленников, заинтересованных в том, чтобы земля московская не попала в чужие руки и он являлся негласным, но главой правительства Москвы при княжиче, оставшемся сиротой в неполных девять лет.

Давно ушел в прошлое древний обычай, когда княжичу, не взирая на малолетство, необходимо было доказывать свое право на трон. Сыну киевского князя Игоря для этой процедуры потребовалось принародно бросить копье. Варяжский княжич был так мал, что копье пролетело не далее передних ног коня, на котором восседал он, поддерживаемый матерью. Но этого оказалось достаточно. Зрители убедились, что княжич жив-здоров и в силе пустить стрелу, если сумел копье бросить...

Со временем обычай отмер, остался в силе лишь возраст. Чем меньше лет претенденту, тем надежнее. Юрия Долгорукого, будущего основателя Москвы, определили на княжение в шестилетнем возрасте. Внука Юрия Долгорукого, по просьбе работного люда Великого Новгорода, отправили туда княжить четырех лет от роду. Даже спустя пятьсот лет, будущего первого русского императора Петра Первого усадили на трон в десять лет, претендентов на власть всегда хватало.

После Батыева нашествия на Русь, право на собственное княжение русским князьям приходилось получать из рук правящего хана, приезжая в ханскую ставку лично. Кто смел, тот и успел...

Ситуацией с неоформленным княжением малолетнего княжича Дмитрия решил воспользоваться князь суздальский и спешно отправился водным путем вниз по Волге в столицу Золотой Орды, чтобы в ханской канцелярии перекупить ярлык на Великое владимирское княжение.

Узнав об этом, московские бояре вкупе с митрополитом Алексием ринулись вслед. Другим традиционным путем. Сухопутным. Лесами воронежскими. Донскими степями. Урюпинским коридором с выходом к столице Золотой Орды на Волге, где перевоз держали рязанские предки Степана Разина.

В золотом шатре на приметном кургане без сна и роздыха трудились доверенные лица хана, куда и были доставлены митрополитом Алексием, главным опекуном Дмитрия, нужные бумаги с вложением. После трехмесячной канцелярской волокиты, двенадцатилетний Дмитрий получил ярлык. Если бы ханом сидел Джанибек, решения не пришлось бы ожидать так долго, ибо именно митрополит Алексей по личной просьбе Джанибека вылечил от слепоты его жену, хатун Тайдулу. Но после смерти Джанибек-хана Золотую Орду залихорадило. За три года там сменилось, уму непостижимо, пять ханов и ярлык на княжение каждый раз приходилось получать у следующего, после возведения его на престол. Четыре выборных лица от четырех привилегированных монгольских племен, брали кандидата в ханы за руки, за ноги, усаживали на белый верблюжий войлок. Ухватив войлок за четыре угла, трижды поднимали вверх с содержимым, трижды обносили вокруг юрты и вкладывали в руку новоиспеченного хана золотой меч...

На день визита князя рязанского Дмитрию Ивановичу исполнилось двадцать два года. К этому времени он уже давно

завершил полное княжеское образование. Мальчиков, обреченных по рождению наследовать княжение, и воспитывали соответственно. До четырех лет претендент бегал в одной рубашонке. В пять лет ему надевали портки, сажали на коня и относились как к будущему правителю. Учили счету, грамоте. Кроме книг Священного Писания вменялось читать светскую литературу. Свод законов Ярослава Мудрого. Историю древней Руси. Повествование о плавании в Индию Козьмы Индикоплава. Житие Александра Македонского, настолько популярного в те времена, что на фасаде собора во Владимире в резном рельефе изображен полет Александра Македонского на небо.

География, ориентирование, животный и растительный мир познавались вживую, путем объезда лесов и лугов с ночлегами в полевых условиях. И в любую погоду.

Для общего физического развития учили плавать со связанными руками или в кольчатых доспехах, чтобы не утонуть, как утонул вместе с конем сын князя суздальского.

Со сверстниками прошел князь Дмитрий курс молодого воина “лечь-бечь-сечь” с элементами гимнастики египетских фараонов, монгольских батыров, русских витязей. Одно и то же упражнение, к примеру, “вращение бедрами в низком приседе” в Египте называли “рыба двигает хвостом”, в Китае – “дракон плывет в облаках”, в Монголии – “охотник в зарослях камыша натягивает тетиву”, на Руси – “медведь, танцующий вприсядку”. Спортивным ковриком у фа-

раонов была шкура нильского крокодила, у тибетских монахов шкура йети, у монголов – верблюжья, у русичей – медвежья. Упражнение заставляли делать по девять раз трижды, а всего их было тридцать! Плюс греческая борьба, кипчакская, русская. На кулаках, с дубьем, с плетью, с удавкой, сетью, гирей или камнем, укрепленным петлей на ремне или палке. Слепую, из-за угла, лежа, на коленях... Для выработки чувства локтя. Чтобы в настоящем бою уметь постоять за себя или пожертвовать собой во имя земли отеческой... Когда в 1270 году в ставке хана предложили рязанскому князю Роману Ольговичу в обмен на жизнь пренебречь своей верой и преклонить колени пред чужеземной, он стал плевать и непотребными словами поносить искусителей. Тогда ему вырвали язык и повторили предложение. Но он твердо стоял на своем, выражая презрение глазами. Тогда ему вынули оба глаза! Он стал руками демонстрировать оскорбительные жесты. Тогда ему отрезали персты у рук и ног, содрали кожу с головы и вздернули на копье...

Шло время. Московский князь возмужал, освоил нелегкую княжью должность... Очнувшись от воспоминаний, вспомнил на чем остановился разговор с Олегом Рязанским, отдал распоряжение:

– Кто там за дверью? Позвать главного зодчего по возведению Кремлевских каменных стен со всей документацией! Главный зодчий вошел. Молодой. Самоуверенный. С горящим взором, линейкой, циркулем. Развернул чертежи,

сметы:

– Три долгих зимних месяца десять тысяч каменщиков ломали белый строительный камень в шахтах возле села Мячково и строгий дух белого мячковского камня не роптал и не воспротивился. Все дни и ночи пять тысяч возчиков возили на санях морозостойкий мячковский камень в Москву и светлый дух белого мячковского камня им сопутствовал! Для возведения стен и башен перевезли четырнадцать тысяч кубов блочными плитами разных размеров: аршинных, полуаршинных, трехчетверных... Для бута, уложенного меж двух рядов стеной кладки, потребовалось вывезти сорок тысяч кубов камня, таскаемого из штолен почти ползком и добрый дух мячковского камня помогал им! А тесание камня, а укладка его, а декор, а фундамент пятиметровой глубины, коему станут удивляться строители спустя пять столетий, и все это благодаря белому мячковскому камню, с которым сравним разве что пудостьский камень, добываемый из чудьской земли на берегу реки Пудость... А за использование взрывных работ по методу Емели с Лопасни, из личных средств пришлось выплатить...

– Достаточно, спасибо, свободен! – прервал зодчего Дмитрий Иванович, но зодчий желал выговориться до конца:

– Для возведения последующих каменных сооружений необходимы добавочные средства по обнаружении) побочных месторождений белого мячковского камня...

Но Дмитрий Иванович вновь перебил:

– А кто станет заниматься навесом над крыльцом, наличниками на окнах, ликвидацией скрипа половиц в хороммах?

– Деревянные наличники хорошо горят, а каменные создания стоят веками! – ответил зодчий и удалился с гордо поднятой головой. Он принял решение. Князь московский пожалеет, что не оценил старания главного строителя кремлевских стен. Дух белого мячковского камня тоже может обидеться, а стены не выдержать напряжения...

Дмитрий Иванович вздохнул и поворотился к гостю:

– Ольгерд, князь литовский, глазам не поверил, когда пошел с ратью к Москве и увидел каменные стены!

– С тех пор прошло достаточно времени, может, расскажешь, что ему потребовалось от тебя?

– На обратном пути из Орды, забрал я с собой сына князя тверского, уплатив за выкуп в казну ханскую тридцать тысяч серебром!

– По моим сведениям, всего десять...

– Смотри по какому исчислению... Если по новгородским деньгам – одна сумма, по московским – другая, а разницу мне выдали бумажными монгольскими знаками – пыль, тлен, а не деньги! По прибытии в Москву определил я выкупленного сынка тверского князя на жительство во двор к митрополиту Алексию, где он и пребывал, пока его папаша не привез выкуп. А на следующий день поехал с жалобой на меня к Ольгерду, князю литовскому, как к близкому родственнику. Да и ты, Олег Иваныч, тоже в родстве с Ольгер-

дом, если женат на Евфросинье Ольгердовне, его дочери.

– Поскольку вторая Ольгердова дочка замужем за братом князя суздальского, а ты женат на его дочери Евдокии, стало быть, и ты с Ольгердом в сродственниках, а?

– Династийные браки должны способствовать укреплению добрососедских отношений, а на самом деле... Эй, кто там за дверью? Позвать главного ответственного за хранение родословного древа князей русских!

Хранитель древа явился. Выпятил брюшко округлое. Пригладил окладистую бороду. Развернул свиток с древом, забубнил заученно:

– Князь наш киевский Владимир Красно Солнышко, крестясь сам и окрестив Русь, женился на византийской царевне. По этому поводу там, в Константинополе, по углам шептались: “Неслыханно, чтобы порфирородная особа, рожденная в пурпуре, вступила в брак с варваром!”... Как бы то ни было, но она родила варвару двенадцать сыновей. Начну перечень с одного из них, со славного князя Ярослава Мудрого, женатого на дочери шведского короля Олафа. Одна дочь Ярослава стала королевой Венгрии, вторая – королевой Франции, третья – королевой Норвегии. Один сын Ярослава женат на дочери маркграфа Саксонского, другой – на дочери графа Штадского. Из пятидесяти четырех брачных договоров сорок шесть заключено с царственными особами иностранного происхождения. Я понятно излагаю? Продолжать далее, или как?

Поскольку князь московский, ответив “да”, отрицательно покачал головой, а его гость неопределенно пожал плечами, ответственный за хранение родословного древа взял решение в свои руки:

– В таком случае, перейду к изложению одной из ветвей Владимира Мономаха. Его третий и шестой сын оженлись на дочерях половецких ханов, двое сыновей Юрия Долгорукого на осетинках-аланках с высоких кавказских гор, а внук Александра Невского взял в жены сестру Узбек-хана...

– Родство по женской линии освежает кровь... – прокомментировал князь московский, слегка постучав пальцами по колену. Правому. Была у него такая привычка. Наследственная. По мужской линии. А гость подергал себя за ус. Левый. Тоже по привычке. Наследственной? Или приобретенной? Произнес насмешливо:

– Московский князь Юрий Данилыч не за красивые глаза женился на старой, пузатой, морщинистой сестре Узбекхана, а с прицелом на родственную поддержку в спорах с Тверью на Владимирское княжение.

– Однако, именно тверской князь Михаил первым посягнул на это княжение? С какой стати племянник стал поперек дороги родному дяде?

Отстаивая свою точку зрения Дмитрий Иванович стал ссылаться на древний обычай, когда престолонаследие переходило от отца к старшему сыну, а не от брата к брату... Но Олег Иванович вернул разговор в прежнее русло:

– Разве не старший сын Ивана Калиты первым стал именовать себя великим князем и, даже, успел вырезать сей титул на своей княжьей печати? И не Иван ли Калита, решив унижить Тверь, велел снять колокол с тверской церкви и перевезти в Москву?

– Олег Иванович, ну, что к пустякам цепляешься?

– Не лукавь, Дмитр Иванович, не очерняй зря своего политического соперника, а давай восстановим события. Желая отстоять свое право на Великое владимирское княжение и тверской князь и московский явились в Орду, рассчитывая третейским судом уладить столь щекотливый вопрос. Но московский князь Юрий Данилыч так обрисовал личность соперника, что тверскому князю за незаконное домогательство великокняжеских полномочий надели на ноги оковы, на шею колодку, бросили на колени и убили! А ночью приспешники Юрия Данилыча ножом вырезали убиенному сердце!

– Поклеп! Стечение обстоятельств! Ложные домыслы!

– Но ты и сейчас по уши завяз в спорах с Тверью?

– Я? – вскочил с лавки князь московский. – Клевета! Навет! Понапралина!

– Сядь и успокойся, – охолодил его пыл Олег Рязанский, – отложим на время этот нервный разговор и вернемся к тому суровому декабрьскому дню, когда Ольгерд, князь литовский, подошел с ратью к Москве и взял город в осаду. Десять долгих ночей и дней ты отсиживался за каменными московскими стенами...

– Не десять дней, а всего восемь!

– Пусть будет по твоему.

– Не “по моему”, а по летописи.

– Ладно, – покладисто согласился Олег Рязанский, – из-за описки какого-то малограмотного писаря не стоит нам ссориться. Просто я желаю удостовериться, не позабыл ли ты, кто на выручку тебе пришел, когда Ольгерд на посадки московские стал красного петуха пускать? Не я ли? Ольгерд-то не какой-нибудь случайный налетчик, а серьезный воитель. В седле время проводит больше, чем в постели. Страху не ведает. Если рубится, то двумя мечами. Если ест, то за двоих. Властью обладает, какой не имел ни дед его, ни отец. Не раз хаживал с претензиями на Жмудь, на Прусь, на Русь смоленскую. На вольный город Новгород с мечом пошел лишь потому, что новгородский посадник обозвал его “псом”! Ныне третий раз на Москву ринулся!

– Тщеславец! Наглец! Гордец! – дал свою оценку Ольгерду князь московский и вскочил снова.

– Сядь, – успокоительно произнес Олег Рязанский, – и ответь, почему в те тяжелые декабрьские дни осады брат твой двоюродный Владимир Андреич, князь серпуховский, не спешил на помощь тебе, а стоял столбом на пограничной меже под Перемышлем со всей своей военной силою? Не потому ли, что ему приспичило жениться на дочке Ольгердовой и он не желал портить отношения с будущим тестем?

– Олыг Иваныч, что ты ходишь вокруг да около, а не объ-

яснишь вразумительно, с чем пожаловал?

– Изволь... За услугу, тебе оказанную, супротив Ольгердовых посяганий, неделю стоявшего с воинством под кремлевскими стенами, требую отдать мне мою Лопасню! Согласно обещания!

– Ольг Иваныч, за что? Ты же всю неделю неподвижно стоял за посадами, даже не брящая оружием! Чего ждал?

– Того момента, когда Ольгерд бросится приступом на твои кремлевские стены, тогда и я бросился бы на него!

– Значит, не бился с Ольгердом оружием?

– Нет.

– Не хватали друг друга за грудки?

– Нет! Однако, увидел Ольгерд мою подошедшую рать и отошел. С гонором, но отошел. Ткнул копьём в стену кремлевскую, удостоверяющую его присутствие, дескать, не кто-нибудь, а он, князь литовский, бил копьём стену московскую? Бить-то бил, а от Москвы отступил, оценив силу моего присутствия. Отвечай, отступил Ольгерд? Да или нет?

– Да! Но при чем здесь моя Лопасня?

– Не ты ли, Дмитрий Иваныч, обещал за помощь, супротив Ольгерда, отдать Лопасню? Да или нет?

– Да. Обещание было, но услуги не было. Не могу я за одно лишь стояние возле Москвы отдать тебе мою Лопасню?

– Изначально Лопасня чьей была? Рязанской. А прадед твой князь Даниил воспользовался случаем и примкнул Лопасню к себе!

– Я не несу ответственность за то, что произошло 150 лет назад! Лопасня досталась мне в наследство и я могу подтвердить это, если ты, Ольг Иваныч, не возражаешь?

Олег Рязанский не возражал и хозяин распорядился позвать из подполья-хранилища человека с бумагами, касаемыми описаний земель московских.

Князья не успели и раза чихнуть, как подпольный человек предстал перед ними. Нашел, что нужно, откашлялся:

– В год 1263, когда безвременно почил доблестный князь Александр Ярославич, прозванный Невским, его сыну Даниилу в удельное владение отошел окраинный угол владими-ро-суздальского княжения...

– Пропусти, – перебил князь московский, – и читай касаемое Лопасни.

– Согласно записи в духовной грамоте Ивана Калиты от 1339 года, Лопасня в числе двадцати других населенных мест отошла его сыну, а по следующей грамоте, все те владения с упоминанием Лопасни переписаны на имя ныне правящего князя московского Дмитрия Ивановича в совокупности с другим ценным имуществом: двумя иконами, двумя цепями золотыми, золотым же поясом, сплошь усыпанным драгоценными камнями, саблей, обвязью и серьгой золотой с жемчугом, наподобие той, что висела в ухе киевского князя Святослава – сына Игоря, внука Рюрика, вкупе с коробкой сердоликовой, золотом окованной, из которой пил, веселясь, Август Кесарь, император римский. А визан-

тийский император Константин Мономах, отправил ту чашу сердоликовую как свадебный дар нашему Володимеру Мономаху вместе с шапкой мономаховой, цепями ошейными, обвязью...

Дверь трапезной скрипнула, приотворилась... Это приискал на прутике Василек, первый сынок Дмитрия Ивановича, зимородок.

– Шустряк, – умилился отец, – вырастет, великим князем станет!

В левой руке наследника нитяные поводья от лошади-прутика, в правой – деревянная сабелька. Воспитанник не сердобольных нянек, которые только и делают, что сопли дитю подтирают, а настоящих мужчин. Дядьки веников не вяжут, у них все строго, по часам, по команде, по расписанию: направо – на оправку, налево – вприпрыжку на кормление, ну, и так далее...

Олег Рязанский одарил скакуна на палочке гостевым пряником, а отец погладил по головке, стараясь не замечать укоризненного взгляда дядьки-воспитателя.

– Подрастет сынок и за твою дочку его отдам, если ты, Олег Иваныч, возражать не станешь.

– А Лопасню впридачу отдашь? – усмехнулся гость.

– Олег Иваныч, ты никак позабыл, что приданое с испокон веков с невесты берут?

– Надеюсь, и ты помнишь о дарах со стороны жениха: за смотрины, за сговор, за содержание невесты до дня свадьбы.

Не мною подсчитано, но за время пребывания ее в доме родительском она съест две бочки репы с капустой, по бочке грибов соленых и моченых яблок, пяток овечек, сорок кур, яиц без счета, рыбы всяческой... Сколь киселя употребит овсяного и горохового, твердых как студень! А сколько обуви износит и душегреек, и платков с подпоясками...

– Не грех вспомнить и о тратах жениховых родителей: на сватанье, на рукобитье, на пропитие сыночка матерью, за выкуп невесты, за вывоз ее из дома родительского...

– Не позабудь и о свадебном подарке будущему зятю от тестя! Припомни, какой отменный пояс с золотыми цепями ты получил от своего тестя князя суздальского через самого почетного гостя – тысяцкого. Пояс-то не просто опояска, а лицо князя!

И рассмеялись оба, до свадьбы как до Луны, а они...

– Что касается Лопасни, – снова завел свою песню Олег Рязанский, – то посул, как и долг, платежем красен.

– Олег Иваныч, ну, почему мы о какой-то речонке такой длинный разговор ведем?

– Не обижай реку, Дмитрий Иваныч! Лопасня с притоками Никажель, Челвенкой, Люторкой да Елинкой – река величественная, полноводная, судопроходная, многорыбная: лешики-подлешики, щуки-окунь да иже с ними водяной. Крепостица на берегу. Пусть и бревенчатая, но дубы в два обхвата. По округе маслята-опята, опять же ягода разная: полевика, земляника, брусника, водяника, дурника, голубика,

черника, красника, княженика... Бобры-зубры, лисицы-куницы... Брод удобный через Оку при устье Лопасни, а с Лопасни дороги торные хоть в твой Серпухов, хоть в мою Тулу.

– Тула, Олыг Иваныч, насколько известно мне, не твоя, а владение хатун Тайдулы, супруги покойного Джанибек-хана.

– Чьей бы Тула ни была, а только при ней мой караул стоит, скачи от Тулы хоть на Дон, хоть на Волгу. Однако, вернемся к разговору о Лопасне...

– Оставь в покое мою Лопасню; что ты к ней прицепился?

– Вот как, – дернул себя за ус Олег Рязанский, – Где твоя честь, Дмитрий Иваныч, где слово княжье?

Разговор зашел в тупик. Одному бы опомниться, другому в чем-то поступиться...

От слов до оружия путь короткий. Разозлился князь рязанский, собрал рать и взял Лопасню! Изгоном, без предупреждения!

Словом не убьешь и комара. Московский князь озлился тоже и с акцией возмездия отправил на Олега Рязанского свое войско. Сражение состоялось на поле бранном, под Скорнищевом неподалеку от стольного града князя рязанского. Кое-как замирились, но Лопасня так и осталась камнем преткновения меж ними... Кто прав? Время рассудит.

Эпизод 2

Ничто не исчезает бесследно

1374 год

Москва. Кремль. Палаты княжьи. В трапезной стол на двадцать трапезников, не менее, а в хмури и одиночестве сидит только один – III Дмитрий Иванович, князь московский. Не то государственными делами озабочен, не то семейными. Бывает, что их друг от друга и отличить трудно. Рождение сына что это? Семейное дело или государственное? А с потолка на стол что-то капает... Размеренно, безостановочно. Если крыша прохудилась и каплет в результате дождя, то понятно. Но дождя не было уже с неделю и для выяснения причины князь кликнул служителя.

Тот вошел в легкой дремоте и телогрее нараспашку. Под-

ставил под капель ладонь, приняхался. Дотерпел, пока в ладони скопилась лужица, опробовал, усы вытер:

– Верь, не верь, Дмитрий Иваныч, а каплет с потолка мед хмельной... – и снова ладонь подставляет, а в нее уже не одиночные капельки устремляются, а струйкой!

Дмитрий Иванович подставил под ручеек жбан, велел позвать дознавателя.

Тем временем в трапезную потянулись должностные лица поглядеть на диво дивное и князь этому не препятствовал, выражая народолюбие. Людское любопытство понять можно. Когда мироточит икона – чудно, но понятно. Но когда с потолка сам по себе льется хмельной мед – чудно, но непонятно!

Первым любопытствующим был посланец от московского тысяцкого Василия Вельяминова, якобы, по делу безотлагательному, а именно: ежели завтра приспичит играть сбор народного ополчения, то с каждого двора вместо одного воина в боевой готовности придет всего по пол-воина! Затем ввалились дядьки – воспитатели малолетнего княжича с жалобой на отсутствие у княжича прилежания в счете на трех палочках! Бухнулся в ноги налоговый крючоктвор, уверяя, что мзды не брал и на него возведен зряшный поклеп, и каждый между делом макал в жбан палец, оценивая на вкус не можжевеловой ли хмельной напиток, не черемховый ли, столь крепкий, что им можно упиться до смерти, сборный, донниковый или паточный, вареный или вешний, гречишный или

горчишный, падевый, приварной, молодой, старый, стоячий, крупчатый, боярский, княжий, ангельский...

Наконец появился дознаватель Щур. В кафтане укороченном, в сапогах выше колен, с увеличительным третьим глазом. Перво-наперво удалил всех лишних из трапезной и в сопровождении стольника, виночерпия и князя московского полез на чердак. Где на одной половине сохли трофеи охотничьи, на другой – пух с перьями для перин княжеских, а возле оконца чердачного лежал на пузе бочоночек, из которого текла-вытекала веселая медовуха!

– Батюшки! – завопил стольничий, – вчера вечером с виночерпием мы собственными руками перетасили на чердак двадцать два полнехоньких бочоночка, а сейчас в наличии лишь один да и тот с дыркой!

– Перестань орать, – наступил ему на ногу дознаватель Щур, – и объясни толком, зачем нужно было перетаскивать бочоночки на чердачный сквозняк, если им место в подвале с одной и той же температурой?

– Потому, – затрепетал голосом стольник, – что подземные грунтовые воды вышли из-под контроля земли, угрожая затоплением погреба, и чердак оказался самым подходящим местом для временного пребывания бочоночков. Сам князь наш, Дмитрий Иваныч, отдал такое распоряжение.

– Я? – удивился князь московский и устремил взгляд на дознавателя. Тот понял и мигом взял расследование в свои руки. Для начала так встал на пороге, чтобы всяк входящий

обязательно споткнулся о его ногу, отчего заранее приготовленный ответ в момент вылетал из головы входящего. Во-вторых, смотрел сквозь увеличительный глаз таким образом, что окончательно подавлял волю к лжесвидетельству. Веревочка в руках Щура крутилась, вертелась и, наконец, завязалась узлом на личности отсутствующего племянника виночерпия. Виночерпий без усталости головой о стенку бился, пока Щур выяснял облик племянника. По словам виночерпия, племянник худосочен, голенаст, безбров, нос сливой с двумя дырочками и живет не в Москве, а в Переяславль-Залесском, в семидесяти верстах отсюда! А по описанию посторонних незаинтересованных лиц, племянник лопаух, броваст, носаст, с испепеляющим огнем во взоре! Не иначе, как происки нечистой силы, подумали все, кроме дознавателя, а стольничий тоже ударился лбом о стену:

– Где мои двадцать пять бочоночков просмоленных? Чем теперь буду людей опаивать?

– Остынь, – наступил ему Щур на ногу, – лет двести тому назад князь Изяслав в распрях ворвался на конях в Путивль-город, вотчину своего брата Святослава! Пограбил город, пригород, церковь, из княжьих погребов выволок двести бочек медовухи, а ты голову бьешь из-за каких-то двадцати! Твое дело давать правдивые показания, а не вышибать последние мозги!

Убрал Щур свою ногу с чужой ноги, обернулся к Дмитрию Ивановичу:

– Яснее ясного – на чердаке тати ночные орудовали. Числом не менее трех. Один забрасывал аркан с крюком на зубец кремлевской стены, откуда бочоночек самоходом катился вниз. По другую сторону стены – второй соучастник. Присмотр бочоночек, третьему передаст. Тот грузит бочоночек на телегу. Для самовывоза. Остается проверить версию, а заодно и погреб.

Проверили и обогнув овчарню, бочарню, пекарню, вышли из кремлевских ворот на кремлевскую набережную. С порубленными соснами для нужд отопления, с отходами рыбной и сельскохозяйственной продукции и прочими свалками. От и до. Воняет – дышать нечем! Для уточнения своей версии Щур носом к земле пригнулся, чуть не пластается в предвкушении результата:

– За ночь торная тележная колея не претерпела изменений, как и следы человеческие. Двое из них – лапотники, а третий, чую по запаху, в сапогах дегтем промазанных. Вот этого татя, в сапогах, и будем искать. По оставленным индивидуальным следам. По каблуку левой ноги наружу стоптанному. Из-за плоскостопия. Наследственного. По такой примете я злоумышленника и через десять лет отыщу. Срисую, замерю, предъявлю... Где-то такие следы мне уже встречались...

– Щур, очнись, ты в своем уме? Это же мои следы, я утром сюда по нужде бегал!

– То-то они показались мне знакомыми... Но ничего

страшного. По другому следу пойдём. По кровавому. Один из татей неосмотрительно малой кровью плевался, что бывает, ежели зуб выбит. Поскольку обнаруженных драк с кровопролитием не учтено со вчерашнего вечера, то зуб, следовательно, выбит не в драке, а вырван зубодером по причине гнилости. Отыскать того, у кого зуб в свежем отсутствии – дело плевое...

Виночерпий поразился ходом блистательного рассуждения и решил внести добавление:

– По моему разумению, не чужие тати орудовали, а свои в доску. Откуда чужаки могли бы узнать, что погреб подвергся затоплению?

Дознаватель Щур глянул на виночерпия свысока, хотя и стоял на земле коленями:

– Погреб, уважаемый, не затоплен, а подвергся оговору с умыслом. Тебе сказали и ты поверил, разиня винная, а проверить сказанное – ума не хватило. Однако, не будем зря падать духом, выявим особь злонамеренную, повяжем, привлечем... А вот налицо и очередная улика в виде волосьев от хвоста лошади, кои прилипли к колесной смазке и вырваны при движении. Улика окраса бурачного, к охвостью переходящего в черно-фиолетовый...

– Это же волосья от хвоста моего коня с лишними ребрами! – воскликнул Дмитрий Иванович, – эй, конюшенный, ступай и погляди в своем ли стойле мой сивко-бурко?

Через минуту старший конюх прибежал весь в мыле:

– Верь не верь, князь Димитрий, а не углядел за твоим конем батюшка-дворовой! Прозевал коня, не смотря на то, что его борода под цвет твоей бороды и в масть хвоста твоей лошади! И камень с дыркой, лошадиный бог-охранитель, от вида которого должен каменеть ворог, исчез! А все потому, княже, что помощничков дворowego – овинника с гуменником, ты сам в отпуск отправил!

– Я? – удивился Дмитрий Иванович, а стольничий вторично ударился лбом о стену:

– Не зря вчера с вечера до полуночи филин-пугач на угловой башне ухал-стонал, беду предвещал, но никто на это не обратил внимания. А похитители украли не что-нибудь, а весь запас качественной медовухи для праздных княжьих пиров с круговой подачей жбанов всем застольникам, когда упиваются бражки до крайности, до отрыжки. Остался в наличии лишь морс ягодный, да брага недоделанная, да яблоки моченые кузьминские, можайские...

– Перестань ныть, – снова наступил ему на ногу Щур, – найдем бочоночки, куда они денутся... В граде Киеве из княжьей усыпальницы выкрали череп князя киевского Святослава Игоревича. Удачлив был князь и в княжении, и в походах ратных. К устью Волги на хазар ходил, по Дунаю на болгар, по Черному морю на Византию, а погиб, угодив в засаду на днепровских порогах. Печенежский князь Куря велел изготовить чашу из его черепа. Челюсть отделать золотом, в глазницы вставить сапфиры для похвальбы на пирах,

дескать, смотрите, какого великого воина он завалил!

– Зачем же красть такую примечательную вещь? Ни купить ее, ни продать...

– Разные тому есть причины: на спор, ради озорства... По сей день ищут. Кража века!

Очередной рассвет над Москвой-рекой. За Даниловым монастырем умолкло сторожевое било, а на Таганском холме застучали мастерские. Это позже на Таганке появится небо в клеточку и одежда в полосочку. А при князе Дмитрие Ивановиче там без усталости трудились железных дел мастера, изготовители всяческих котлов: едальных, стиральных, пятиведерных помывочных. Кузнецы-молотобойцы для лучшей ковкости часами били железо из болотной руды для гвоздей, подков, бранных доспехов. Только для одной кольчужной рубахи до пупа, требовалось избить около пяти килограмм железа для тридцати тысяч плоских колец! А мечи, а ножи? А шлемы с бармицей для защиты шеи и плеч? А личины с наносником по западной моде? А наручни и поножни на восточный манер? Даже до Кремля долетал перестук молотобойщиков...

– Голова трещит после вчерашнего дня... – посетовал утреннему прислужнику князь московский, – принеси-ка мне медовухи...

– Не могу, княже, не обессудь...

– Что?

– Дмитрий Иванович, никак ты и впрямь позабыл, что всю

медовуху тати повывезли? Осталось лишь сусло, да буза из проса. Что принести? Рассолу?

– Вон!

Прислужник удалился, а дознаватель Щур появился. Самолично. Без вызова. Имел право. Доложил:

– Проследил я путь ночных татей от Кремлевских стен вплоть до по-рубежья с Тверью. А дальше не сунулся, Тверь не моя епархия...

– Опять происки со стороны тверского князя? – вскочил с нагретого места князь московский. – Да он у меня... Как кость в горле, как карась на сковородке!

– Не волнуйся, княже, в Твери мой свойственник поусердствует. Как получит сведения на лихих татей, зажмурит два своих узких зрака, а третьим, увеличительным, направит их напрямик в сыскную избу. А не получится, применит заговор против лиха, лихоимцев, лиходержателей. Ежели и это не поможет, обратится с молитвенной просьбою к ангелам, архангелам из небесной рати, поголовно перечислив их трижды горячим шепотом... Так что, не печалься насчет бочончков, будут отысканы и доставлены в целости и сохранности, разве что один-другой могут нечаянно распоясаться и пустить слезу... В случае чего не гневись на производственные издержки... – обрадовал потерпевшего Щур и пустил на волю легкий смешок, на который Дмитрий Иванович, хоть и князь, но правильно отреагировал...

В распахнутую дверь вплыла белой лебедью супружница

князя, Евдокия Дмитриевна. Чудо, как хороша. Лебединая шейка в оторочке лебяжьей. В белых ручках поднос с двумя чашами питья ею лично приготовленному на зверобое, девясиле, жгучем стручковом перце. На подносе же связка круто просоленных пластов щучьих, арбуз и Гороховец, особливо приятный после трудов праведных. Пусть он и считается тяжелой едой, зато в животе лежит сытно.

Глаза у княгинюшки опущены, губы сердечком... Засмотрелся на княгинюшку Щур, грудь выпятил, распушил хвост. Евдокия Дмитриевна метнула в его сторону искрометный взгляд, дескать, не по чину пялишься, поставила поднос, вышла с поклоном. Безмолвно. Чему Дмитрий Иванович остался доволен. Осушил чашу, якобы, с устатку, хотя с утра с места не сдвинулся. Сидя принимал донесения, сидя отдавал распоряжения. А княгинюшка Евдокиюшка туда-сюда ноженьками, вся в движении, вся в полете. То подскажет молодайкам как цветной подклад использовать к однотонному верху. То проверит – перевернуты ли рогожи перед порогами. Сметена ли гусиным перышком пыль с образов в красном углу. Хорошо ли отскоблена хлебная лопата и срублена ли ель, притягивающая грозу? В промежутках покормит маленького, проследит, чтобы средненький невзначай не поел приторно-сладкую спорынью, после чего зашумит в ушах, закружит в голове, зуд пойдет по всему телу и дай бог ребятенку выжить... Не княжья жизнь, а сушая каторга!

– Одного не могу понять, – спросил у гороховой похлеб-

ки Дмитрий Иванович, – почему не слышали сторожа, как вдоль стен гроыхала телега с двадцатью бочонками?

Щур ему в ответ будто дитяти малому:

– Только пустая телега гремит! И бочоночки твои не на одной телеге вывезены. Разве в состоянии одна лошадь в одну лошадиную силу потянуть такой груз? На двух спаренных лошадаках везли, так что первый кнут старшему конюху за извращенную информацию. Одно из двух – либо конюх с татями в стоворе был, либо спать горазд и гнать его надо с конюшни в три шеи! Кстати, могу тебя и обрадовать, один беглый бочоночек отыскался в доме племянника твоего ключника и не наградить ли ключника плетью за идею покражи бочоночков, а его племянника со светящимися во тьме глазами, батогами? Полагаю, что вскорости отыщется и твой парадный конь с лишними ребрами. Он хорош лишь под седлом, а не в хомуте. Тати от него, как пить дать, избавятся, хлопот много, а проку чуть. Распрягут и бросят. Побегает твой конь немного на вольных хлебах, проголодается и вернется. Между прочим, а сам ты где был в ту злополучную ночь?

– Ну, Щур... Да за такие слова... Знаешь куда тебя отправить можно?

– Димитрий Иваныч, сядь, успокойся... и поставь на место табурет! Знаю, что той ночью пребывал ты в опочивальне. Но не в своей... Молчу! И не хватай чугунный подсвечник! А неблагоприятные случаи, связанные с царственными

особами, были. Например, римский император Нерон, чтобы отвести от себя подозрения, сам поджег Рим! Предлагаю подумать над ликвидацией разницы между высотой кремлевской стены и княжьими палатами, дабы у других разбойников не возник соблазн воспользоваться этим же способом для изъятия княжьей казны или другого казенного имущества. Посему, надобно либо передвинуть княжьи палаты поближе к центру Кремля, либо отодвинуть подальше Кремлевские стены.

Поставив в разговоре жирную точку, Щур сверкнул увеличительным глазом и удалился. Не прощаясь и без разрешения. Имел право. С измальства на княжьем дворе жил. С малолетним Дмитрием из одной миски кисели-каши хлеба-ли. Только Дмитрий вырос до княжеского звания; а Щур так и остался неизвестно чьим подброшенником...

Ветер усилился, захлопал ставнями. Дмитрий Иванович высунулся в окно:

– Эй, кто там внизу, закрыть ставни и позвать зодчего!

Ставни закрыли, но вместо зодчего пришел старший каменщик.

Руки – лопаты, плечи – шире дверей. Снял шапку:

– Не придет зодчий, Димитрий Иваныч.

– Заболел или сломал ногу?

– Хуже, княже, ушел он.

– К теще на блины?

– Он не женат, княже. По его объяснениям, человек высо-

кого искусства должен быть свободен от брачных уз, иначе он не создаст ничего выдающегося. У него страсть другая. Не человеческая. Чуть грянет рассвет над Москвой-рекой, как он бежит любоваться восточной угловой башней. Кланяется ей, вздыхает. А на закате припадает коленями к подножью западной. Гладит ладонями белый камень, смыкает во блаженстве очи пред красотой изваянной. Блаженный... но я его понимаю. Вчера отдал мне все чертежи и ушел...

– Но почему?

– Он обиделся.

– Что ему не хватало?

– Свободы творчества. Простора деятельности. Зодчий сказал, что у него руки не поднимаются заниматься всякой мелочевкой наподобие оконных наличников или навесом над ступенями заднего крыльца. Его призвание – возводить сооружения типа Кремлевских стен, Оружейных палат, иначе он зачахнет без воплощения в жизнь своих идей за отсутствием поля деятельности.

– Так дать ему поле! Хоть Ходынское, хоть Кучково!

– На Ходыноком поле регулярно проводятся ратные сборища, стрельбища и прочие игрища, а Кучково поле – место карательных экзекуций...

– Отдать его зодчему! Пусть творит! Но сначала пусть закончит наличники и ликвидирует скрип половиц в стальной.

– Поздно. Зодчий взял циркуль, отвес, сажень мерную и удалился. И светлый дух белого мячковского камня после-

довал за ним. Так и пошли вместе. В обнимку.

– Куда?

– Вдоль Тверской-ямской, Тверскою заставою...

– В Тверь? Догнать! Вернуть! Впрочем, отставить, поеду за ним сам. Эй, конюшенный, седлать лошадей!

Поехали... Проехали Чистополье, Калинов-мост, Черемушки, а далее запетлял зодчий, заложил дугу на девяносто градусов. Не иначе как следы замечает, раз свернул на юг и пошел через Внуково, Дедово, Батюшкино... На большаке из-за поворота вывернулся десяток людей конных. И в одном из них узнал Дмитрий Иванович князя рязанского. Окликнул:

– Вот так встреча, Олег Иваныч!

Съехались. Князь московский на коне со звездой во лбу. В чужих краях выпестованном, в дар привезённом. Но годный лишь для коротких выездов. А князь рязанский на коне приземистом, рыжем с веснушками и гривой, ветром раздвоенной, а не приглаженной конопляным маслом. Седло князя московского из тисненой кожи, стремяна посеребряны и в узорах. А у Олега Рязанского стремяна деревянные. Не от скупости, а для удобства. Зимой ноги в деревянных стремянах не мерзнут.

Сначала поздоровались лошади. Первым, длинноногий скакун под чепраком ковровым. Ударил о землю правой задней, шваркнул левой о правую переднюю и снова топнул. А конь князя рязанского под чепраком дерюжым и оттого не

скользким, лишь слегка приподнял неподкованное копыто, дескать, мы тоже умеем так, но не хотим. Он статью невзрачен и ростом не вышел, зато родом от небесных лошадей с крыльями, не знающих в беге пота и усталости. Одну из них, отбившуюся от табуна, присмотрел несчастный одноногий и одноглазый скиф, выгнанный из племени по ущербу. Подкараулил он коня, заарканил, обрезал крылья, приручил, прискакал на нем к сородичам и стал вождем, так-то...

Поздоровались и всадники. По-человечески. После чего князь московский слегка ослабил поводья:

– Откуда путь? Судя по месту сворота на большак, похоже, к сестре в Брянск ездил? В леса, глухие, дремучие, дебрянские с брынскими разбойниками? Не по поводу ли женитьбы князя смоленского на твоей дочери? – то был элегантный точечный укол копьем в адрес Олега Рязанского насчет преобладания у последнего дочерей.

– А твой путь куда? – ушел от ответа князь рязанский, – судя по взопревшему коню, он под тобой готов наземь брякнуться от усталости. Рабочий конь и на соломе скакун, а длинноногий пустопляс и на овсе еле-еле ногами перебирает... – Это был ответный удар булавой с набалдашником в особо чувствительное место, но Дмитрий Иванович сделал вид, будто у него запершило в горле:

– Отглавливаю одного беглеца, что нацелился на Тверь, а сам кругами пошел...

Солнце тем временем на обед повернуло и комары взъяри-

лись – на людей набросились. Дмитрий Иванович в раздражении по щекам комарье стал размазывать, а Олег Иванович неэффективно бить плетью.

Пока сдвоенный конвой тройную уху ладил, разговор крутился вокруг рыбной ловли. Какой рыбице червь нужен, а какой мотыль. Какая рыба взаглот берет или влет, либо на рывок идет, либо на шнур ловится, на глазок, на прищур, на бластер, тестер, бунер и не только окунь зарится на копыто подпаленое. А если рябь по воде пошла продольная – верный шанс поймать жереха на жареху, жор у жереха, проклюнулся! Вообще-то, жерех – рыба с утонченной натурой, хоть и хищная. Подозрительная, но любопытная. На дне отдыхать любит, согласно поговорке: рыба ищет где глубже... И как на этом самом месте над омутом под ветлами Емеля золотую рыбку поймал...

Сбросив сапоги, князя полуприлегли на траву. У одного каблук сношен во внутрь, у другого – наружу. Один седло под правый бок подложил, другой – облокотился левым. Противоположности. Противники? Нет. Но и не друзья. Дружба – это владение общими интересами, взаимовыручка, обязательства... А у них то так, то эдак, с попеременным перемирием, причем уступок делал больше Олег Рязанский, хотя первым же хватался за оружие...

Помолчав, снова разговорились. Олег Рязанский о трофеях охотничьих, о бездонном мещерском озере, где обитает зверь не зверь, рыба не рыба... Дмитрий московский о том,

как тяжела шапка мономахова, как неравномерно пополняется казна, насколько увеличились расходы на льготы мастеровитым лицам и ликвидацию последствий разбойных нападений под началом атаманши Маруськи Климовой из Бутырок. Видано ли такое, чтобы бабе подчинялись мужи разбойные? Князь наш светлый Владимир Красно Солнышко еще в те далекие времена поднимал вопрос о мерах борьбы с разбоями, а за ночное хождение без дела по Киеву назначал битье кнутом... На передыхе поинтересовался:

– А у тебя, Ольг Иваныч, как дела?

– На нашей грядке свои порядки.

– Говорят, строиться задумал?

– Уже донесли?

– На то и существуют доносчики.

– Верно! – ухватил быка за рога Олег Рязанский. Он, как всегда, себе на уме был, но и пустословием не обижен. – Замыслил кое-что перестроить. Городской торг переместить за городской вал, а вал перенести на место старого рва, засыпать его и вырыть новый. Перемостить спуск к реке, а реку пере... – на этом месте Олег Рязанский захлебнулся словом, осознал, что переборщил, перестарался, зарвался, заврался? Сделал вид, будто тоже в горле запершило, перестроился: – а на открытом взору пространстве за новым валом воздвигнуть величественный собор с шатровыми башнями, вратами сдвоенными, надвратной церковью, колокольной с колокольными звонами. По будням – будничными, на праздник

– праздничными. И под колокольный звон велю зарыть 1374 золотые монеты, по числу года закладки храма!

– А ты не опасаясь, что монетозаройщики эти монеты сами же и выроют?

– Не опасуюсь. Все предусмотрено. Монеты зароят не скопом, а по периметру фундамента всех стен. Чтобы веками стояло! Для быстрейшего претворения в жизнь замыслов, осталось отыскать хорошего зодчего.

– Могу одолжить своего, – неосторожно предложил князь московский, начисто позабыв, что зодчего у него уже нет, Олег же рязанский обрадованно спросил:

– Так когда пришьешь зодчего, Дмитрий Иваныч, завтра? Послезавтра?

Князь московский осознал свою оплошку и стал выкручиваться:

– Рад бы услужить, да не могу, не обессудь, оговорился...

Получив отказ, Олег Рязанский насупился, набычился, наклонил голову и ну сверлить собеседника взглядом! Была у него такая привычка: закусить удила и свирепеть глазом. Приобретенная или летописная?

– Эх, Димитрий, Димитрий... Сначала обещаешь, потом отказываешь... Не по-княжески это, не по-божески, не по-человечески....

– Ну, хоть убей, не могу! Нет у меня зодчего! Был, но сгинул!

Олег Рязанский свистанул коня, впрыгнул в седло, при-

шпорил и был таков! Его конвой едва успел собрать уши развешенные...

А Щур, ну, и проныра, тут как тут. Приник к земле блестящим увеличительным глазом:

– Зри в оба, княже! Следы от твоего коня с лишними ребрами в рязанские пределы поскакали. Беглой рысью. На пару со следами твоего беглого зодчего! Однако не горюй, напоследок могу тебя обрадовать – еще один бочоночек отыскался! Целехонький! Но не с бульканьем, а с подозрительным бряканьем в утробе. Похоже, именно из-за этого тати его и бросили. Ни выпить, ни продать, кому нужен товар порченный?

Однако, князь московский не на шутку разозлился, застучал копытами своего коня:

– Немедля доставить мне бочоночек! Со всей осторожностью!

* * *

Знай грабители о содержимом бочоночка – ни в жизнь его бы не бросили!

Эпизод 3

Съезд княжеский

1375 год

Скованное льдом Плещеево озеро. На берегу город Переяславль-Залесский. Основанный князем Юрием Долгоруким. В 1152 году. Естественно, князь не собственноручно ворочал сосновыми бревнами. Он просто приглядел место и место ему очень понравилось. Князь перекрестился, опустился на колени, выкопал руками ямку, куда и воткнул прутик. Застолбил место. Остальное – дело рук зодчего и мастеровитых людей.

Шло время и в начале января 1375 года московский князь Дмитрий Иванович созвал в Переяславль-Залесском княжеский съезд по случаю рождения у него очередного сына.

Юрия. Зимородка.

Запасаться сыновьями князя стремились всегда. Во избежание естественных убытков. От стихийных бедствий: чумы, холеры, пожаров, вражеских набегов. От чисто детских болезней: сыпи, огневицы, судорог. От несчастных случаев, когда одна из нянек уронила мальчика в воду и тот захлебнулся. Или загадочной смерти малолетнего московского царевича, который по объяснению угличских мамок, упал на нож и по нечаянности зарезался...

От пустобрюхих бесплодных жен князя избавлялись, отправляя их в монастырь или дом родительский. Но жена Дмитрия Ивановича рожала исправно и он был доволен.

Ко дню съезда, вместе со стужей и сугробами, прибыли все приглашенные. Кто с челядью, кто в одиночку, как обедневший князь из новосильских. Для торжественности момента Дмитрий Иванович надел шапку мономахову. Но не ту, остроконечную, с собольей опушкой, усыпанную драгоценными камнями и крестом в навершии, которой московский князь Иван Третий венчал на великое княжение своего сына Василия Третьего, а другую, настоящую, присланную из Константинополя Владимиру Мономаху византийским императором.

Самым первым в Переяславль явился игумен Троицкого монастыря преподобный Сергей Радонежский. Не на лошади прибыл, а пешком одолел в преклонном возрасте 70 километров, следуя строгому монастырскому правилу находить

сладость в лишениях. По слухам, а народ всё видит, всё знает, отец Сергей будто бы способен по воздуху перемещаться. Не раз примечали: выйдет преподобный из своей келейки позже отъехавшего на коне, а в означенный пункт оба придут одновременно. Вот и верь тому, что конный пешему не товарищ...

До глубокого вечера встречал отец Сергей гостей, стоя на морозе возле ворот, дабы осенить каждого крестом и приветливым словом. Велики были его старания по примирению строптивых князей, по реформированию монастырской жизни с общей трапезой, общим трудом – одними молитвами сыт не будешь. Не всем монашествующим пришлись нововведения по душе. Один из непримиримых удалился из Троицкого монастыря в дремучий Комельский лес и стал жить там в липовом дупле наподобие птицы. Физические страдания во искупление грехов принимали порой изверские формы. Преподобный Никита, основатель монастыря подле Переяславль-Залеского, будучи в мирской жизни сборником податей, излишне предавался греху лихоимства. В знак раскаяния сел босым и нагим в тростниковое болото. Комары в кровь изъязвили его тело, а он терпел, терпел. Погиб он в 1186 году от рук злыдней, польстившихся на его железные вериги, приняв их за серебряные...

Княжий съезд хоть и состоялся по поводу рождения князьего наследника, но главным образом по созданию союза для совместного отражения нападателей на земли русские:

литовцев с запада, ордынских злыдней с востока. Первым решил высказаться удельный князь городецкий – пусть телом грузен, зато расторопен по молодому. Начал с издалека, стараясь использовать случай для напоминания присутствующим об особом значении его владения:

– Не кто-нибудь, а дальновидный Юрий Долгорукий построил Городец Волжский, оценив явное преимущество места. Даже сам Александр Невский, великий князь владимирский, возвращаясь из поездки в Орду, занедужив, предпочел почить именно здесь... – и после затяжного вступления горячо поддержал идею объединения.

Вопрос о совместных действиях решился быстро. Да, объединяться надо. Да, помощь оказывать незамедлительно. Для чего усилить выносные дозоры. Ввести дымовую сигнализацию. Сторожевицы укомплектовать слухачами. В предвидении набега степняков жечь траву, сучья, деревья... Уж, чего-чего, а жечь на Руси умеют. Любит народ красного петуха пускать. Не сосчитать, сколько раз горела Москва. И враг жег, и поджигали собственными руками. Однажды, в отсутствии московского царя Федора в одночасье сгорел Арбат, Петровка, Посольский двор. По народным выкладкам это был хитроумный ход Бориса Годунова, дабы обеспечить себе московский трон. По сей день периодически горят в Московии какие-то торфяники, манежи, горючие сланцы, угли бурые...

Постановление о союзе князя скрепили крестным цело-

ванием. Быстро обсудили вопрос о военных расходах, еще быстрее о подъездных путях... а выяснение взаимных обид растянулось на коломенскую версту. Первым выложил претензии удельный князь из Юрьева-Польского, тоже построенного неутомимым Юрием Долгоруким. Дошел он до того места, где в реку Колокшу впадает река Гза, и место это ему тоже очень понравилось...

Следующим был князь угличский. С таким унылым лицом, будто питается только прокисшими продуктами:

– После обмолота зерна без предупреждения и объяснения причин снялись с моей земли два дома с домочадцами, заборами, сараями, коровами, курами, домовым и прочей живностью, прихватив заодно и мои грабли. Подались на жительство ко двору князя ярославского. Тот принял. А по какому праву? Беглецов возвращать надо. Десять лет истощали мою землю, ловили рыбу без меры, в лесу зайцев без счета, лисиц без огляда, а теперь ссылаются на скудость моей земли? Почему от поклёпа я страдать должен? Ко всему прочему мы, угличские, древнее ярославских. Нас основали в 937 году, а ярославских на сто лет позже!

Замолк. Вытер пот. Что делать, если лоб широк да мозгов недостаточно. Но камень брошен и его надо убрать с дороги, чтобы каждый раз не спотыкаться. Пришлось пересмотреть незапланированный вопрос по упорядочиванию въезда и выезда переселенцев ввиду затопления, проявлявания земли, разорения, неуживчивости, а въезжающим давать на

каждого едока по одной пяди земли бесплатно. Остальную – на льготных условиях: в аренду, в найм, в займ, в залог, в кредит долгосрочный или упрощенный с подушными выплатами за близость водоема, лесной вырубки, удобствами на задворках для одного человека, на двоих, на всю семью... Дескать, народ ублажать надо – когда похвалить, когда пожурить, народ, что дитя малое. Даже сам Владимир Мономах говорил о любви к ближнему, призывая не давать в обиду ни смерда, ни сироту, ни вдовицу и так далее, и тому подобное, будто сами с ангельскими ликами. До тех пор глаголили, пока князь нижегородский вторично не стал объяснять, что только с его города на десятки верст просматривается Волга-река вверх и вниз по течению. Нижний Новгород, хоть и молодой по сравнению с Угличем, но построен внуком прозорливого Юрия Долгорукого при впадении реки Оки в Волгу. Углядел внук подходящее место, опустился на колени, выкопал ямку, воткнул прутик...

Нижегородского князя перебил галичский:

– Если мы, галичские, основаны неизвестно кем и когда, это не значит что мы беспородные! Леса наши гуще, реки обильнее окунями и озеро наше галичское глубже и крупнее ростовского и переяславского вместе взятых!

Плохо голове без плеч, но еще хуже голове без ума. Глупость и тщеславие заразительны. Как замужние женщины кичились своими кичками, а бояре – бородами, так и правители хвастались городами. Ростовские считали свой город

наидревнейшим, ярославские – самым престижным, Суздаль за первородство конфликтовал с градом Владимиром, Кострома с Чухломой, Буй с Шуей, а галки галичские со всеми сразу! Каждый стремился к возвеличиванию своего города. Не в надежде ли на привилегии? Даже уравновешенный дмитровский посадник и тот увяз в размочаленной колее:

– Город мой на Яхrome заложен не безымянным основателем, а Юрием Долгоруким, заядлым рыбаком и охотником. Птицу бил влет, а рыбу – вплавь! Во-от таких карасей вылавливал! А лучше карася только налим, а лучше налима – кабан! Или медведь! Меж охотой и военными битвами и поставил крепостицу на столбовом пути к Волге. Не просто так приложил руки Юрий Долгорукий, а с дальним прицелом. Узрел место и прозрел умом. По его следам пронирливые потомки пророчут канал из Москвы-реки в Волгу...

Дмитровскому князю похлопали, а галичскому пообещали:

– Проверим. Обсудим.отреагируем.

По неизвестным причинам отсутствовал звенигородский наместник, иначе бы до звона в ушах твердил, какое замечательное место присмотрел Юрий Долгорукий для охраны подступов к рубежам московским. Сторожевую крепостицу соорудил на том изгибе реки, где свет клином сошёлся и, чтоб враг ворота не открыл, бросил ключи от ворот в омут...

Не на пустых местах городил города Юрий Долгорукий, а на обжитых ранее. Москву – на приусадебной земле боярина

Степана Кучки. За что-то отрубил ему голову и место освободилось. И чтобы юридически закрепить место, отдал сыну своему Андрею дочь боярина Кучки в жены. Поначалу так и говорили: “Москва, иначе Кучково”. Город Дмитров на реке Яхроме, названный Долгоруким в честь своего сына, отстроил на обломках глиняной посуды, из которой ели-пили предки дмитровцев за сто лет до этого. Тогда археологи копали глубже и наткнулись на каменный топор, которым кто-то что-то рубил две тысячи лет назад на этом самом месте...

– Есть ли жалобы на меня? – задал летописный вопрос князь московский, втайне надеясь, что никто не рискнет нарушить гостевой протокол и можно спокойно перейти к обеденному застолью.

Однако нарушитель отыскался. Из Боровска на Протве-реке. Скандальным оказался сынок боровского князя. Опрометчиво решил сунуться в княжьи распри. Ему, недорослю, молчать бы, так нет, выскочил с претензиями. По глупости, по молодости, не иначе. Боровский удел невелик, но со странностями. Если по всей Московии дождь обложной, то у него сушь. И наоборот. Рыба в реке с лишними плавниками, куры клювы мягкие, у пауков одной ноги не хватает. Врут, не врут, а задумаешься, почему протвинские не любят привечать посторонних. То страшат бродячими разбойниками, то играют в молчанку. Но боровский выскочка оказался разговорчивым:

– По твоей вине, Димитрий Иваныч, я лишился стада пят-

нистых вологодских коров, особо привлекательных для бычьего племени!

Присутствующие изобразили недоумение. Князь и коровы? Несовместимо. Покачивая бородами, принохивались к запахам из трапезной...

– Все лето мои коровы паслись не на высокотравных заливных протвинских лугах, а стояли стоймя в коровниках! Без движения они обезножили и дружно пали. Жалобное их мычание терзает моё сердце, сон не берёт, еда в рот не идёт, хоть головою о стену бейся... А почему? По твоему, Дмитрий Иваныч, указанию, все пастбищные уголья огородили плетнями с надписями “запретная зона, проход закрыт!”, превратив тем самым мои отменные травяные луга в полигон по изучению повышения урожайности ква... кварк... и других полей для сбалансированного питания крупного рогатого скота в ближайшем будущем! С полей этих воню прёт, смрадом, дышать нечем! Мыши стали оттуда бечь, черви из земли повылезали от недостатка кислорода, а овод, самый главный коровий враг, расплодился до такой степени, что коровы, задрав хвосты, укрылись в коровниках! В итоге от недоедания и сопутствующих невзгод пало 89 высокодойных вологодских коров. Требую возмещения материального и морального ущерба!

Вместо разумного переноса вопроса с мотивировкой “не верь речам, а верь очам”, Дмитрий Иванович предложил:

– А что, други, давайте поможем экономически слабому

товарищу... – и пустил по кругу шапку мономахову. Каждый клал туда, сколько хотел. Или мог. Дмитрий Константинович, князь суздальский, тесть Дмитрия Ивановича, ввиду отсутствия при себе рубленой наличности, снял с себя пояс с серебряной инкрустацией и не сам положил в шапку, а передал через князя галицкого. И зря. На подобном передавании он уже обжегся, совершенно не подозревая об этом. Десять лет назад, на свадебном пире своей дочери Евдокиюшки с Дмитрием Ивановичем он, по обычаю, передал зятю подарок – золотой пояс с цепями, усеянный драгоценными камнями через самого почётного гостя тысяцкого Вельяминова. Спустя 70 лет за другим свадебным столом выяснится, что пояс был подменен другим! Похожим, но с фальшивыми камнями! До 1433 года протянется эта афера с поясом. Им будет повязано более десяти лиц и все княжеского достоинства.

Из ныне присутствующих только губастенький, глаза-стенький новорожденный сынок Дмитрия Ивановича доживет до того времени и закрутит такую интригу по наследованию великого владимирского княжения, что трон московский сотрясется дважды! А все из-за того, что слишком много окажется претендентов из числа дядей и племянников, охочих до лакомого наследства.

Когда шапка мономахова дошла до вконец обедневшего, но родовитого князя новосильского, тот в горести опустил голову. Рязанский князь, Олег Иванович, тоже ничего в шап-

ку не положил. Но не от бедности или скупости. Бездельников и вымогателей он не жаловал.

Тему взаимопомощи закрыл тесть Дмитрия Ивановича. В обычной жизни суздальский князь не очень-то ладил с зятем, но в данном случае поддержал и финансами, и речью:

– Кое-кто из удельных наместников плохо справляется со своими обязанностями и во всех неурядицах виноваты народ, дескать, на работу ленив да охоч на выпивку. Один из них, не стану позорить его, называя по имени, примчался ко мне жалуясь, что народ послал его куда подальше... Его послали, а мне, как родственнику, разбираться. И уволить его нельзя ни по собственному желанию, ни по несоответствию с занимаемой должностью...

Затем официальная часть перешла к долгожданному обеду и, следом, к ужину. По совместительству. Любили на Руси посидеть за столом. Тем более, по поводу. Юрий Долгорукий, едва застолбив в 1147 году “град Москов” сразу же пригласил к себе в гости северского князя Святослава Ольговича с сыном Олегом и двоюродного племянника Владимира Святославича из Рязани откусать стерляди и гуся, запеченного в тесте, косточки от которых в соответствующем временном слое недавно откопали вездесущие археологи...

Расторопный служитель подсуетился, водрузил на стол пузатый бочоночек с медовухой и он, не медля, пошел по рукам, пока не остановился перед хозяином. Дмитрий Иванович огладил его округлые бока, обрадовался:

– Бочоночек-то, оказывается, из моего подвала похищенный! Гулял, бегал где-то, а к хозяину возвратился, даже, печать на доньшке не стерлась. Кого благодарить-то?

Но даритель не откликнулся, странно... Служитель клялся-божился, что не запомнил облик дарителя. Лицо обычное: глаза, нос, скулы... И одет как все: кафтан, шапка, борода...

Бочоночек вновь прошёлся по кругу. Вторично опробовали. Уважительно крикали: кто бы ни дарил, а спасибо ему! Ядреная медовуха, аж, с гвоздями! Не они ли гремят в брюхе бочоночка?

Дмитрий Иванович встряхнул бочоночек, прислушался... Действительно перекачивается что-то внутри. Изменился в лице: побледнел, покраснел, шея стала серо-буро-малиновой, вот-вот кондрашка хватит! Вскричал не своим голосом, чтобы немедленно унесли брякающий бочонок, а взамен принесли нормальный! Булькающий!

День к ночи повернул. Гости спать разбрелись, кто на сеновал, кто на перины. В сенях Дмитрия Ивановича окликнул знакомый голос:

– Княже, есть новость свежая, важная...

– Щур? С чем пожаловал?

– Не добровольно прибыл, а по распоряжению вышестоящего. Над тобой, княже, лишь око всевышнего, а надо мной два пронизательных глаза начальственного лица по сыскному-разыскному ведомству. По его приказанию действую.

Княжий съезд событие чрезвычайной важности. При скоплении в замкнутом пространстве стольких именитых личностей, мало ли что произойти может. Отраву подсыпят, хоромы подожгут, в дыму и панике кого хошь порешат. Тебя же первого, ибо власть имеешь реальную, а завистники готовы проверить эту власть на прочность. Даже мимо мелкой пакости не пройдут, соблазн велик. А кому нужен князь новосильский?

Так, фикция. Ни кола на дворе, ни крыльца приличного, одно звание да детишек куча.

– Князь новосильский беден да умён. Месяц назад три дня уговаривал тверского князя помириться со мной! И уговорил!

– Княже, твое дело заседать, а мое охранять.

– Переяславские сторожа тоже не дремлют!

– Однако, они уже прозевали дарителя бочоночка со странными звуками в утробе! Кто привез, откуда и зачем? Не провокация ли? В связи с этим возникло у меня подозрение: по какой причине тверской князь, гурман и лакомка, покинул застолье, не доев даже жареного кабана, и уехал не попрощавшись?

– Может у него желудок расстроился от овсяного киселя либо от горохового?

– Расстройство желудка не помеха для государственных дел. Что написал Александр Македонский на придорожном камне? “Разбил врага и преследовал его до сих мест, хотя и

страдал поносом!” Чётко и доходчиво. Твою версию о желудке тверского князя проверим, доложим по инстанции. Но у меня в наличии есть трудно опровержимые факты, что князь тверской каким-то боком замешан в деле с брякающим бочоночком и спешит замести следы...

– У нас с ним замирение!

– Мир миром, но и он может окончиться. Из-за пустяка. Из-за бочоночка с недопитой медовухой. Уехал тверской князь и одновременно пропал бочоночек! Факты вещь упрямая!

– Что? – вскричал осевшим голосом Дмитрий Иванович и снова изменился в лице: покраснел, побледнел, по щекам желваки пошли...

– Особо не волнуйся, княже. Разберемся. И с желудком тверского князя и с бочоночком. Я уже послал вдогонку юркого помощничка. Почти невидимку. Подающего большие надежды в сыскном-розыскном деле. Его донесения, плюс мои предположения сопоставим. Сделаем выводы. Всё под контролем, на то и голова дадена, чтобы выяснить, почему из двадцати двух бочоночков, похищенных татями, обнаружено чуть более дюжины плюс подкидыш сегодняшней, вновь исчезнувший? И где бродяжничают остальные? Насчет желудка тверского князя также не беспокойся. Разрежем, посмотрим, что находится в требухе, зарезанного на праздник, кабанчика? Ежели желудок забит едой под завязку, значит, звать врача, а ежели в кишках спертый воздух пузыри

вспучивает, то князь тверской обойдется укропной водой...

Перебирает Щур варианты, а себе в уме зарубку делает, отчего это Дмитрий Иванович лицом и голосом меняется, когда речь заходит о бочоночке с бряканьем внутри? Надо бы втихомолку собственное дознание провести... и добавил обнадеживающе:

– Особенно не переживай, княже, у меня в запасе есть еще одна версия. Лошадиная... – и, заинтриговав князя московского, повел его в конюшню. Открыл двери, откуда сразу потянуло сладким конским духом. Птицами вспорхнул табунок жеребят игривых и разномастных. Щур подвел Дмитрия Ивановича к отдаленному стойлу с понурой лошастью. Спросил:

– Твой конь?

– Этот? Кожа да кости?

– Неужто и вправду не узнал своего коня, на котором бочоночки вывезли? А конь сразу признал тебя, уши наострил, ноздри подставил...

– Масть странная...

– Коня для отвода глаз слегка подкрасили. Разуи глаза, княже, плюнь да разотри хорошенько его бок... Видишь, натуральный цвет проявляется, серебряно-серый с прочерную! Отмоешь, откормишь... Я обещал отыскать твоего коня и отыскал!

– Через два года! – сбил спесь со Щура Дмитрий Иванович. – И кто его нынешний хозяин?

– Тот, разумеется, кто приехал на нем в Переяславль-Залесский на съезд и кто на нем отправится обратно. Не волнуйся. Возьмем расследование в свои руки. Проследим, наблюдаем, повяжем. Дело одной ночи!

За ночь снега навалило предостаточно. Кому по колено, как длинноногому князю ярославскому, кому по брюхо, как пузатому костромскому.

Сколько не сиди в гостях, а домой ехать надо. Князь рязанский не стал звать конюха, сам отыскал в стойле своего коня. Сам надел на него, мохнатого, седло жесткое, деревянное. На нем и сидеть удобно, и слезать, и садиться. На манер степняков-кочевников. Проверил, не заплела ли чужая нечисть в колтун гриву коня? Почистил ножом кошта широкие, крепкие, подков не знающие. Дал корм в торбе. Заодно сыпанул и соседнему коню с пожухлой серебристо-серой шерстью и печальными глазами.

После быстрого завтрака гости прощались долго, проникновенно. По плечам хлопали. Ножами обменивались. Родне приветы передавали. Обнимались, лобызались, слезу пускали как обычные люди. Они, в сущности, очень одинокими были, всю жизнь жить в напряге из-за своих правящих обязанностей, держать дистанцию – уметь надо. И напоследок они немного расслабились... Князю новосильскому сунули за пазуху кормовые, проездные, фуражные, обиходные, прогонные, верстовые, столбовые, суточные и прочие нужды. Через седло перебросили суму с гостинцами для дети-

шек – пусть радуются. И снова прощались, слезу смахивая. Лишь князь рязанский заторопился, вскочил в седло и в путь отбыл без слюней прощальных. Оригинал. Но поскакал почему-то не напрямиком на тракт, а через Плещеево озеро.

Наконец утро отгремело и всяк поехал в свою сторону. Ростовский князь управится до обеда, если будет гнать коня во весь опор. Кто-то к ночи доедет до своего дома. А костромской либо городецкий доберутся через несколько дней. И в те времена была велика Русь пространствами...

Поразъехались князья. Кто с челядью, кто в одиночку. И в конюшне, где стояли все лошади, коня Дмитрия Ивановича не оказалось! Кто уехал на нем? Следы привели на берег Плещеева озера к месту нахождения местной диковины Синь-камню в рост человеческий. Ночью камень испускал блеклый свет, шорох и передвигался! Увидев такое – человек столбенел! Кто от ужаса, кто в удивлении. Для искоренения камня, как остатка язычества, его и в озере топили, и в землю закапывали. Но шло время и Синь-камень возвращался на свое исконное место, чтобы снова стоять столпом. Указующим? Межевым? Путевым? Сторожевым? Памятным?

Щур пристально вглядывался в следы на снегу, сверкая своим увеличительным третьим глазом:

– Ежели по следам судить, то конь прискакал к озеру не один, а в сопровождении собрата с неподкованными копытами...

– Бросились в озеро и утопли?

– Протри, княже, глаза! Лёд на озере! Перескочили кони подталую полынью вдоль кромки берега и поминай как звали! Но ты, княже, не отчаивайся. Найдем твоего коня. По следам похитителя. Выявим, повяжем. Следы от сапог его чёткие, приметные, каблуки индивидуально стоптаны во внутрь. Сейчас мы срисуем их, измерим, сравним... где-то я такие следы уже видел, очень на твои похожие.

– Разуй глаза, Щур! – в раздражении вскричал Дмитрий Иванович, это и есть мои следы! Вчера вечером кое-кому из гостей я показывал Синь-камень! А ты, кстати, где прохладился? Борода включена, на шее сено, меж ног солома... Где честь мундира?

– Как где? Всю ночь на службе! В конюшне. В лошадином стойле. Вместе с твоим конём! А с рассветом, для лучшего наблюдения за отъезжающими, перелез на крышу, чтобы видеть все до мельчайших подробностей!

– И не углядел, прозевал коня!

– Сопрел от духа лошадиного и в результате дыра в сознании, так называемое слепое место... Пока лез на крышу площадь обзора уменьшилась, злоумышленник воспользовался сужением видимости и увел коня. Ничего страшного. Стечение обстоятельств. Непредвиденный случай, все логично. Но не будем терять надежды, преступник всегда оставляет следы. След – улика весомая, однако, бывает, след есть, а человека нет. Как отыскать? Проще простого. Взять гвоздь и воткнуть в след искомого. Одно из двух, либо искомый лич-

но явится гвоздь из следа вытаскивать, либо охромеет. По-
вяжем в любом случае. А ежели не удастся, есть третий ва-
риант – суда Божьего ему не избежать! Кстати, одного подо-
зреваемого я все же углядел. Того, который проявил излиш-
нее внимание к твоей лошади. Корм ей давал, по шее трепал,
колючки из гривы выщипывал! Зачем, спрашивается, ему о
здоровье чужой лошади заботу проявлять? Не гадай, не ло-
май себе зря голову, во век не догадаешься!

– Кто?

– Следы от копыт его неподкованного коня на снегу перед
твоими ногами!

– Говори, ну!

– Князь рязанский!

– Ты на кого замахнулся? Да чтоб Олег Иваныч позарился
на моего коня? Он грубой силою отобрать может, но не та-
ким гнусным способом! Сгинь с глаз, иначе прикажу высечь
тебя! За дезинформацию!

– Плетьми или батогами? – Когда были наедине Щур имел
право на пререкания. Росли-то на одном дворе при дворе
княжеском. С одними и теми же мамками, няньками, дядь-
ками. От одной кормилицы молоко пили. Вместе играли в
прятки, в солдатики. Но если княжич, хоть и осиротелый с
пеленок, вырос князем московским, то его дружок Щур так
и остался дитем коровьей дойницы. По факту рождения. И
пусть тянет всего на полушку, но смотрит рублем. Так и сей-
час. Нос вздернул до самого неба, из глаза искру выпустил

и за ответным словом в карман не полез, но для приличия слегка помягчел голосом:

– Возможно, княже, я малость мог и ошибиться – кто быстро бежит, тот и спотыкается...

– Конюшенный мне целый час другое вдалбливал...

– Не верь болтливому, глаза надежней. Особенно сыскарские, увеличительные, что мигом узреют оставленную улику. Так вот, княже, отпечатки человеческих следов перед твоими глазами, как две капли воды похожи на следы обиженного тобой сына недавно почившего тысяцкого Вельяминова! Вопрос: почему он присутствовал на съезде, не будучи званым? Что вынюхивал, чем интересовался, с кем сговаривался?

– Не путаешь?

– У него на голове шапка весьма приметная, не по чину окантованная мехом редкостного золотого соболя. Одна такая на всю Московию!

– И куда поскакала эта шапка?

– Туда же, куда и брякающий бочоночек, в тверские пределы!

Эпизод 4

Будни и праздники

“Да не застанет вас солнце в постели!”
Владимир Мономах (1058–1125)

Возвращаясь с очередного объезда своих владений, Олег Рязанский сделал крюк к месту стояния первой столицы рязанского княжества на крутом правом берегу реки Оки, куда по древнему столбовому пути из прикаспийских степей, зимой 1237 года, покорив предварительно мордву, болгар и буртасов, явился с войском некий хан Батый на низкорослых выносливых лошадях. Прельщенный новой добычей хан Батый для приличия потоптался чуть возле укрепленных городских стен и отправил послов к местным правителям – рязанскому, пронскому, муромскому с требованием немедленной выплаты ему, хану Батыю, внуку Чингизхана “десятины”

со всякого имущества, людей и лошадей всех мастей, иначе... Князя выбрали “иначе”, но не сумели совладать с силой противника и Батый разорил их города до тла, а затем поочередно взял приступом Суздаль, Ростов, Москву...

Олег Рязанский до сумерек ходил по остатним следам насыпного вала, стен каменных, вздыхал горестно... Вспомнил, что после Батыева нашествия рязанская земля то и дело терпела убытки и страдания от прохода по ее территории баскаков с карательными ордынскими отрядами, силой выбивающих от русских князей-данников Орды узаконенную дань-подать.

В 1252 году таковой оказалась Неврюева рать из десяти тысяч человек, отправленной на Русь Сартаком, сыном хана Батыева.

В 1293 году во всю прыть промчалась Дюденева рать, посланная золотоордынским ханом для острастки четырнадцати городов русских.

В 1322 году Ахмылова рать беспредельно хозяйничала на ростовских и ярославских землях.

В 1327 году Шавкалова рать буйствовала в Твери, а Федорчукова наводила ужас в Великом Новгороде.

И каждая рать с гиканьем, ржанием, улюлюканьем шла единственно удобным путем – через землю рязанскую, требуя корма для людей, лошадей и ночлегов со всеми удобствами... Но на этот раз с юга, с приволжских и донских степей древней торной дорогой нагло и разнузданно перла на-

пролом не вражья рать, а весна запоздавая, проливным дождем сохлую землю лаская! И на сердце Олега Рязанского стало радостно. Под раскаты грома отбил низкий поклон месту первого столкновения русичей с силой ордынской, прихлопнул на затылке шапку свою самонадевающуюся, вскочил на коня и к дому. Но река Ока пустилась в загул разливами и пришлось свернуть с топи на сушь возле сельца Залипяжьего при речке Истье, где жители с издавна из болотной руды железо добывали и куда со слов разведчика-доносителя спустя 400 лет с гаком, заявится царь российский Петр Первый проверить, так ли это, ибо остро нуждался в железе для оснастки судов на верфи воронежской, и где еще через 300 лет встанет во весь свой железный рост на чугунном постаменте у моста через Дон-реку. Но прежде, засучив рукава, наденет фартук и будет бить молотом железо до тех пор, пока вконец не измотает подручника, наковав столько, что заработанных алтынов хватило для приобретения новых башмаков взамен изношенных да заплатанных...

Так или иначе, однако доподлинно известно, что Петр Первый – державный бомбардир, шкипер и плотник с мозолистыми руками шастал по рязанщине в короткой жилетке на голландский манер еще в те времена, когда Санкт-Петербурга и в помине не было.

Прежде, чем прорубить окно в Европу, Петр Алексеевич рубил дверь в Азию. Для выхода в Азовское море дважды брал Азов и рыл канал из Дона в Волгу. Будучи в Астрахани и

Дербенте, вынашивал идею соединения рукотворным проливом Каспийского моря с Черным... Попутно, на военном паруснике сушил весла, принимая от насельников Солотчинского монастыря, построенного Олегом Рязанским, гостинцы “на дорожку” в виде яиц, ветчины, гусей, баранов, пивка... В Касимове на реке Оке охотился на медведя не то с рогатиной, не то с пищалью... Бросал чалку в Елатье, Муроме, Нижнем Новгороде... На Волге близ Саратова имел встречу с престарелым калмыцким ханом, с поднесением ему даров за службу верную...

Не сбился Петр с курса, шел нужным галсом – реформист, реалист, преобразователь! И чего искал в Азии? Не иначе как по зову крови, корни-то у первого императора Российского – рязанские. Крепкие, кондовые, наполовину азиатские. Матушка его, Наталья Кирилловна с поместными землями по Оке из рода Нарышкиных, от отпрыска татарского бека Нарыша, переведшего на службу к русским правителям, а тетка – праправнучка сибирского хана Кучума, с которым бился казачий атаман Ермак в Сибири... Стоп! Бросай якоря! Приплыли, приехали... Так что повязана Рязанщина с Питером узами неразрывными на веки вечные.

* * *

Едва приблизился Олег Рязанский к своей столичной окoliце, как людишки приворотные хватъ его коня за хвост и

в крик:

– Олыг Иваныч, сынок у тебя родился!

Обрадовался князь, спрыгнул с коня, заплясал! Так в плясе и добрался до главной городской площади, где повелел столы ставить да накрывать, дескать, подходи честной народ, угощайся!

Пособники в момент бочки с бузой и медовухой выкатили: пить – так пить, гулять – так гулять! За здоровье новорожденного! А молодцы-удальцы ставили на стол еду закусочную. Дичь. Окороча. Рыбу. Княжескую. Полуторасаженную. Навалился народ, обглодал до последней косточки. А деликатесную еду от ганзейских купцов с Балтии – мальков кильки в сметанном соусе заглатывали целиком, не разжевывая.

До дна выхлебали впрок заготовленную уху свекольную. И овсяный кисель. И гороховый. С музыкальным сопровождением – звонари на колокольцах играли. Под блины ложечники били сдвоенными ложками деревянными. Под капустные пироги медвежатник Сергач прошелся вприсядку и обнимку со своим мохнатым четырехлапым Михайло Потапычем. Под холодец жару дали трубежские посадские: гремели колотушками, ногами топали, трели из сопелей пускали, на дуде свирестели, ходили головастым гоголем, журавлиным шагом, ястребком-пустельгой, петухом, упырем... Под луковую похлебку пел Есеня с лугов заливных про синь реки и просинь глаз, и синих далей беспределье. Плакал иволгой, щеглом щелкал, соловьем заливался... Если у обычного со-

ловья двенадцать колен в пенье, то у Есени больше чем у курского соловья – непревзойденного певуна русских просторов. С надрывом Есения пел, с придыханием, что пришлось по душе даже грубым возчикам из леса кадомского. А хитроватый игрун на струне-щипке шептал доверительно, что разбойный Уразин с лужков Стенькиных не бросал персидскую княжну в Волгу, а подарил Есене за песни его вольные, гуляцкие, кабацкие, душу царапающие.

По сей день поют босяки поволжские: “Шаганэ, ты моя Шаганэ”, и рыдают...

* * *

Любой слух завсегда впереди ног бежит, торопится и на третий день к счастливому родителю съехались поздравители. С Шацка, Пронска, Ельца, Дубова, со всех сторон земли рязанской. С дарами. Во избежание суеты установили очередность, порешив вручать их по ходу солнышка, начиная по жребию с князя елецкого, ишь, как он пыжится в шапке пыжиковой! Первым преподнес свое подношение – позлащенный кубок с боками раздутыми и пояснением, что сей предмет безмерный, сделан на вырост, на прирост, про запас, для внуков и правнуков... Перечислял до тех пор, пока ему не заткнули рот внеочередным подношением жбана мерного с медовухой.

Дары были однообразны. Серебряные ложечки на первый

зубок, полугодовалые жеребятки на первый скок. Их, разномастных, набрался целый табунок, в конюшне едва места хватило.

Лишь князь пронский внес разнообразие. Из лубяного мешка вывалил на стол полное воинское облачение. Махонькое. Не клепаное, а на петлях, кнопках, застежках; шнуровке. Поножни, наручни, наплечни, нашей-ни, наколенники... Все облегченное. Из особого сплава. Отполированное до солнечного блеска золотым песком с реки Прони. Боевой комплект и тренировочный. Похоже, Емеля-умелец расстарался...

Разогрелись гостюшки, разгорячились брагою, стали байки друг о дружке рассказывать. Начало положил путятинский лесовик, сидящий бок о бок с таким же путятинским:

– Питаю неудовольствие к деяниям соседа по месту жительства. Хотя и приятельствуем не один год, однако, ежегодно, во время пахоты отмахивает он от моего клина по сажени! Мне с пригорка хорошо видно! За пять лет набежало порядочно. А потому, что канул в небытие межевой бог Чур, спор-то у нас из-за исчезнувшей межи. На той меже меня еще мальцом секли для лучшего запоминания и я эту межу на всю жизнь запомнил! А его, видимо, не секли. Ежели существуют такие забывчивые, значит, межи обозначать надо. Заборами деревянными, канавами глубокими для предотвращения посягательств на чужую собственность. Даже сейчас он совершил захватнические деяния. Когда ему приспи-

чило достать из шапки носовой плат, чтоб сморкнуться, то положил свою шапку на отворот полы моего кафтана, нарушив этим мое право владения собственным коленом!

Вроде бы жалуется путятинский, но глядит плутовато и левым глазом неизвестно кому подмигивает. Что ж, в юморе ему не отказать и тяжелый дубовый стол закачался от хохота. Отсмеясь вдоволь, выложил свою байку наместник с Ермиша:

– На три дня отправился к своей родне в Шокше на Мокше, а возвратился на день ранее и узрел, что мой сосед с Мердушя воспользовался случаем и нарубил десять штабелей трехсаженных бревен на моей стороне реки! Якобы, для наведения дружественной переправы посуху! Но для моста через нашу реку рыбную, рачью, утячью, цапельную, но не судоходную, достаточно всего двух штабелей!

– И что предпринял ты?

– Послал рубщику фальшивое приглашение в Рязань на свадьбу племянника. Пока он туда-сюда зря лошадей гонял, я и перевез заготовленные дровишки на свой берег, кроме предназначенных для возведения дружественного моста.

Застольники дружно посмеялись. Посягательства на чужое имущество случались. В 1145 году, за два года до званого обеда в будущей Москве Юрия Долгорукого, один князь из Давыдовичей черниговского рода, угнал с неогороженного пастбища Ольговичей, тоже из черниговских, три тысячи кобылиц и тысячу жеребцов! А в 1294 году дружинники

костромского князя – младшего брата Александра Невского, на переправе через брод, захватили обоз с казной князя Дмитрия переяславского...

Закапал дождичек. Весенней влаге рада и земля, и травинка, и человек. Но капли с небес оказались странными, цвета разжиженного навоза в коровьем стойле. Задумался народ: с чего бы это, к чему бы? За что Илья-громовежник рассердился? Ответ последовал из уст приبلудного звездочета-халдейщика:

– Чему быть, того не миновать, а во-вторых, дул ветер вчера с Прикаспия, откуда чаще всего беда приходит? Дул. И сильно. Он, злодей, и принес с собой пыль красных песков с Кызылкумской пустыни.

Ответчик был ученым человеком. Но чужеземельным. Его отыскал в блудливой лесной чаще лесовик путятинский. По долгу службы обходил лесные угодья и нашел...

Если верить отогретому найденышу, осуществлял он обход земной тверди по умозрительной прямой, называемой “широтой” для подтверждения догадки о земной округлости. Ради соблюдения прямооты движения, халдейщик в пустыне едва не усох от жажды. В болоте чуть по уши не увяз, не вцепись он в хвост цапли, которая от ужаса и вытащила его. Из Волги чудом выплыл, атакованный рыбьим чудищем. Червей ел от голода. Все тяготы вынес, а в лесах рязанских заблудился, пошел зигзагами, звезд не видя... Так бы и пропал в безлюдных дебрях, если бы не лесовик путятинский. Взял

блудника за руку и как великую диковину доставил к Олегу Рязанскому. Тот взял звездочета на службу, следуя расхожему понятию, что один умный пришляк ценнее двух оседлых с придурью. И обрел хлопот выше ворот. Для близости к небесам, звездочет потребовал выкопать в земле ров для инструмента по определению места нахождения небесных светил днем и ночью. Вгрызся в землю для изучения неба. Фанатик, мечтатель, ушибленный! Ночные бдения компенсировал дневными рассказами о влиянии звезд на поступки людей, рожденных под тем или иным небесным телом. Чтобы узнать погоду на все случаи жизни, к нему устраивались людские очереди и в силу этого на столе звездочета было достаточно попить-поесть и для отчисления натурального продукта в княжескую кладовую...

Прошел год и прижился чужеземец на рязанской земле, обладающей по его словам, бесценными сокровищами. А если врет, то зачем выучил русский язык и подружился с Емелей-умельцем? Мимо его глаз ничего не пройдет, все знает что за спиной князя рязанского творится. Вот и сейчас, сидя спиной к реке, говорит ему:

– Гляди, княже, что-то плывет к тебе по реке самоходом без людского сопровождения!

Выловили. Самоходцем оказался бочонок с клеймом князя московского на доньшке. Выжженным и потому не смываемым. Удивились:

– К чему бы это? Не иначе, с подвохом...

Потрясли бочонок и вместо бульканья оттуда донеслось бряканье...

Народишко возликовал, неизвестное всегда завораживает:

– Откроем! Полюбопытствуем!

Но Олег Иванович воспротивился:

– Не позволю! Самолично возверну владельцу товар утраченный! – и для отвлечения внимания пошел показывать вновь прибывшим местную достопримечательность – Синькамень. Самодвижущийся, водоплавающий камень-хамелеон: то человеком прикинется, то истуканом, то прохожего на него смотрящего, в такую краску вгонит, что во век не отмоется...

Из всех присутствующих только губастенький, глазастенький новорожденный сынок князя рязанского сохранял спокойствие, тихо посапывая на руках мамкиных...

Наутро заспанные гостюющие по домам разъезжались. Дородный, толстопузый князь елецкий на коне, вразвал едущим, задевая на ходу ногу за ногу. Худосочный кадомский отбыл на коне ушлом, что вострит глазом и жует удила. Рыжий мерин вальяжного князя пронского ступью пошел по три версты в час. У ермишского краснобая грива коня на пробор расчесана, как у хозяина, а путятинский лесовик пешочком потопал на своих двоих – зачем торопиться?

Каждого отъезжающего пастырь храма Успенского осенял широким крестом: перстами на лоб – для освящения мыс-

лей, перстами на чрево – для освящения внутренних чувств, на правое плечо и на левое – для сил и действий. И поклон клал поясной, опершись на посох.

У каждого профессионала своя точка опоры, свой символ. У землемера сажень мерная. У лесоруба топор, у рыбака багор, У русских витязей – боевая булава. У воевод – жезл. Деревянный, как у Перуна; полосатый, как у инспектора ГАИ. Символ правителей – скипетр. У калик переходящих, носителей новостей – палка с загнутым концом, у Садко – гусли звончатые...

А у пастырей овец и людей – посох. Деревянный с поперечным навершием, как у преподобного Сергия Радонежского. Яблоневый, неошкуренный, как у инока Пересвета, участника Куликовской битвы. Из миндального дерева, как у пророка Иемерии. Железный, как у старца Афанасия – основателя лавры на горе Афонской в Греции. Янтарный, преподнесенный благодарной паствой святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию Второму...

* * *

Источники:

1. А.Каратаев, Е. Романенков, Е. Федчук, “По Петрову указу”, Рязань, 1993 г.
2. С.Зотов, “Неожиданная страна”, журнал “Дружба народов”, 1994 г., № 4, стр. 171.

Эпизод 5

Казнь сына тысяцкого

1379 год

Рассвет. Последний день августа. Из Кремля неспешно выехали конники князя московского. Следом звонарская команда с бубнами и барабанами, созывая народ на Кучково поле. Побросав дела насущные, народ, сломя голову, бежал на сборище, озираясь попутно: горит ли что или враг на подходе и пора седлать лошадей?

Когда людей на Кучковом поле скопилось предостаточно, подручник князя московского оповестил о цели собрания:

– Для пресечения нежелательных толковищ под заборами и стенами кремлевскими касательно неблагоприятных поступков Ивана Вельяминова, сына последнего тысяцкого, во вред

княжеству московскому, князь наш Дмитрий Иванович решил прибегнуть к публичности... Почему не слышно гласа народа?

И народ завопил:

– Гласность! Гласность!

Другой княжий подручник снял с телеги человека с мешком на голове и связанными за спиной руками. Водрузил на земляной помост, обратился к народу:

– Как в семье главенствует отец, так и в княжестве верховодит князь, неся личную ответственность перед Богом...

Хорошо говорил слуга Князев. Громко. Долго. Выразительно, но не совсем понятно. Какой ущерб в рублях потерпело московское княжество от кощунственных действий Ивана Вельяминова, если ему определили смертный приговор? Поэтому народ не безмолствовал, а выкрикивал:

– За углом с ножом он не стоял, на перекрестье дорог людей не грабил... так за что смерть-то?

В ответ гробовое молчание. Лишь птички слетели с веточек, отрепетированно щебеча: ти-ти-ти...

Один из конников взметнул копьё с наверху ленточкой, подавая сигнал, и барабаны дружно забили “тревогу”... Когда удары достигли выси, удалой голос проникновенно запел:

*Сослужи службу, служивенький,
Обнажи сабельку булатную,*

*В огне огнем закаленную,
Молодецкой удалью заклеянную,
Да махни сабелькой справеливою...*

Копьеносец тронул приговоренного копьем:

– Пятой на колени и проси криком: пощады, снисхождения, княжьей милости!

Приговоренный молчал и, даже, не шевельнулся, а народ летописно выкрикивал:

– Тот не князь, кто без милости!

А глас народа – глас Божий...

Прежде, нежели во всеуслышание объявить о прилюдной казни, вопрос с неделю обсуждался в кругу влиятельных бояр, главных княжьих советников. Как и следовало ожидать, их мнения разделились. На одной скамье уселись тяготеющие к половинчатому решению. На другой – требующие крайней меры. Даже два родных брата расселись на противоположных скамьях из-за несовместимости взглядов. Старший, с бородою в раскleshь, ратовал за немедленную расправу: батогам забить, на дыбе вздыбить, худую траву с поля вон! Младший – за осмотрительность: виноватого Бог накажет! А на приставной скамье, в одиночестве, сидел пока не определившись. Тугодум. Вымахал с коломенскую версту, ноги под столом не помещаются. Как и ум в голове. Выбрал роль прорицателя:

– В любом случае не избежать городских волнений, под-

жогов, неопознанных утопленников... как было в 1356 году после выборов московского тысяцкого. Тот день я на всю жизнь запомнил, ибо наелся досыта! Накануне оженили меня и сидел я на своем свадебном пиру голодный и жаждущий, не смея по обычаю ни есть, ни пить, а столы от обилия всяческих яств ломились...

– Ближе к делу! – осадил рассказчика старший из братьев, – нынешний день не без завтрашнего.

– В тот лютый февральский день, во время заутрени, на Кучковом поле был найден убиенным претендент на пост тысяцкого Алексей Хвост с проломленной головой! Запомнил потому, что на кануне мой сват отправился на реку с проверкой: происходит ли оживление клева уклейки в лунках, и мы долго обсуждали это событие...

– Не отвлекайся! – еще строже прикрикнул младший брат, тот, что более жалостлив, но и не менее гонорлив.

– Ты, мил-человек, не перебивай меня, не то возьму и забуду... Так вот, в тот удачливый поклевочный день, взамен умершего тысяцкого, выбирали нового и бояре Хвостовы с Вельяминовыми соперничали между собой. Приверженцы Алексея Хвостова кричали: “Хотим Хвоста!”, а прикормленные Вельяминовыми в ответ: “Хотим Вельямина!” Настоящее народное волеизъявление!

– И кого выбрали?

– Перекричали Вельяминовы.

– За что же тогда порешили Хвоста?

– Для острастки либо в назидание. А карателей не нашли. Или плохо искали, или не захотели искать. Народ возмутился, заборы неприличными словесами исписывал. Но, если народу хорошо объяснить – он поймет. Народ не глуп, соображает. Соображают и подстрекатели. Попомните меня, казнь сына тысяцкого не раз аукнется и откликнется...

Для поднятия сил, растраченных на пререкания, думское боярство испило настой из корней девясила и вернулось к обсуждению попрания прав Ивана Вельяминова. Было над чем поразмыслить. Тысяцкий – важное лицо в княжестве. Второе после князя. Военачальник. И заступник народа перед тяжелой княжеской рукой. А Дмитрий Иванович взял и ликвидировал этот чин, мотивируя, что настало время поступиться традицией. Дескать, должность тысяцкого устарела. Что хорошо было в прошлом, вступило в противоречие с настоящим. Это понял еще двести лет назад сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский и пошел на чрезвычайные меры. Дабы избавиться от самоуправства закостенелого Веча, когда все вопросы решались на главных площадях Ростова и Суздаля, он после захвата Киева сделал столицей княжества град Владимир! Реформист, преобразователь, перестройщик!

– И вскоре был убит недовольщиками за превышение княжеских полномочий и ущемление боярских прав, – доинформировал неопределившийся тугодум.

Помолчали, успокаиваясь, раздражение – плохой совет-

чик. Испили по жбану напитка охлажденного из сортовых зимнестойких яблок. Поели хлеба с пластами рыбы вяленой, на сон кое-кого потянуло... Взбодрясь настоем сливовым продолжили обсуждение:

– Не исключено, что действия Дмитрия Иваныча шли на благо земли московской, но Иван Вельяминов не захотел понять, обиделся и в запале пошел на службу к тверскому князю, извечному недругу князя московского.

– Сын тысяцкого имел право на отъезд.

– Мы обсуждаем вопрос не о перемене места жительства Ивана Вельяминова, а его деяния после поступления на службу к тверскому князю. Зачем он отправился в Орду с поручением от тверского князя? Какие дела обговаривал в ставке Мамаю? И зачем возвращался тайно? Спасибо князю серпуховскому, что перехватил его.

– Перебежчик! Нечестивец! Предателец! – хором выкрикнули трое бояр, требующие крайней меры наказания.

– Мы должны выслушать обвиняемого, обдумать его слова, обсудить, принять к сведению.

– Зачем? Он гордо заявил, что стал жертвой княжеских амбиций, отвечать за свои поступки будет только перед Богом, и с тех пор молчит.

– Он – жертва сложившихся обстоятельств и в наших интересах поддержать его требования, дабы в будущем предупредить ущемления и наших прав... – Осторожно заявил радетьель за свои права под соусом вселенской жалости ко все-

му на свете. Он жалел и гуся, вмерзшего по неосторожности в лед, и падающую с неба звезду. Он, даже, комаров не бил, кусающих его шею. Затем внес предложение, что решение Дмитрия Ивановича можно отклонить. По примеру новгородцев. Когда, приглашенный Новгородом, князь Святослав Игоревич потребовал отстранения от управления городского главы, то новгородичи поинтересовались о причине. На что князь Святослав заявил, что лично ему глава города не нравится. Тогда новгородское вече ответило, что городской глава не девица, чтобы нравиться или не нравиться, и если за главой никакой видимой вины нет, то он не подлежит смещению.

– Так то в Новгороде! Они князей меняют как лошадей, а мы за своим, как за стеной каменной!

– Как ни крути, а вина сына тысяцкого, хоть и очевидна, но недоказуема. Один свидетель – не свидетель, один проступок – не доказательство.

– Сила доказательства в весомости проступка, а не в количестве, как говорили в древности. Под действие закона должны попадать все!

– Кто сказал?

– Цицерон. Римлянин.

– Но мы-то московские...

Ради уяснения понятия “изменнические действия” перерыли в подвалах князьих сундуки с летописями, архивы, старинные судебники. Более всех старался боярин из древне-

го рода Протасьевых. Один из его предков служил тысяцким еще при Иване Калите, а, уж, он-то в своем окружении держал самых ответственных... Искали долго, терпеливо с привлечением книжочтеев на всяческих иностранных языках: греческом, китайском, Цицеронском... Но ничего касательно измены князем не обнаружили. Смертью карали за трехкратное воровство, умышленные поджоги, за измену жены мужу и наоборот, но нигде не упоминалось об измене правителю. За исключением одного очень древнего документа, переведенного с клинописного языка протасьевским книжником о договоре египетского фараона Рамзеса с царем хеттов Хаттушилем о вечном мире и дружбе с особо оговоренной статьей о выдаче друг другу перебежчиков...

– Так то в Египте!

Жалостливый радетель за права боярские припомнил, что полгода назад, опять же в Великом Новгороде, судили обличителей Новгородского духовенства за непристойные действия. Крамольные речи подтвердили многоликие слушатели и двух главарей приговорили к смерти. Посвяжав им руки, и насыпав песок за пазуху, их сбросили с моста в Волхов.

– То была расправа за противоцерковные деяния, а у нас дело гражданское!

– Сыну тысяцкого покаяться бы, открыто признать свою виноватость... Сделать выбор – трусость или мужественность?

– Лицо высокого звания никогда не признает своих оши-

бок! Неудачи и просчеты оно свалит на непредвиденные обстоятельства, украденную казну, происки завистников, плохую погоду и не слишком ретивых помощников...

Чтобы проверить так ли это, отправили посыльного в подвал за консультацией у протасьевского книгочея, а пока для прилива сил испили холодного взвару на зверобойной траве.

Посыльный вернулся и зачитал, что жил в Греции, в Афинах правитель Писистрат две тысячи лет назад, заметьте! Конфискатор излишков земли у родовитой знати в пользу несчастных бедных, заметьте! Строитель многих государственных сооружений: водопровода, стадиона, портовых причалов. И в один прекрасный день Писистрат явился в Ареопаг, верховный афинский суд и заявил, что все его деяния подсудны!

– Писистрат нам не указ! У нас на Руси свой пример есть! Владимир Мономах, князь смоленский, переяславский, киевский! Не раз с половцами воевал и с родичами, жестоко карая за междуусобицы. В реке тонул, города сжигал, в тридцати битвах участвовал и в конце жизни не побоялся написать о себе: “На Страшном Суде без обвинителей я сам себя изобличу!”¹

Помолчали. Испили квасу брусничного, заели холодцом,

---

¹ 1. Вот как унизительно говорил сам о себе в 1573 году Иван Грозный в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь: “А я, пес смердящий, как могу учить и чему наставлять... Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти...” (С. Перевезенцев, “Тайна Ивана Грозного”, Роман-газета, 1999 г., № 12, стр. 79.)

ватрушкой... После недолгого сна вернулись к обсуждаемой теме. Кто-то вспомнил, что при Ярославе Мудром вошли в силу уставы церковные, где рассматривались преступления против морали. Поскольку, мораль – стезя духовная, проторенная нравственными поступками человеческими, то оценка действий сына тысяцкого попадает под понятие о морали и ущербе, нанесенном обществу. Если существуют такие понятия, значит, можно создать под них и закон. Обосновать необходимость его. Утвердить. Претворить в жизнь. И тут-то выяснилось, что нету них права на создание такого закона! Поразмыслили и пришли к выводу, что сначала надо принять закон о необходимости права для измышления закона об ущербе, а, уж, потом приступить к другому законотворению. За идею решили проголосовать. Простым поднятием руки. После выкрика “раз-два-три” руки дружно устремились вверх. Подсчитали – получилось восемь рук при семи присутствующих. Одна рука оказалась лишней! Чья? Переголосовали и результат снова оказался удручающим – шесть рук вместо семи. Кто-то упорно вставлял палки в колеса... Но кто?

Призадумались. Испили для бодрости мутной бузы из плохо перебродившего просяного сусла. Поели крошку, рыбу по-монастырски, яйца перепелиные по-княжески, немного поспали... И кому-то пришло в голову пригласить в помощь Сергия Радонежского, бессменного игумена Троицкого монастыря, волею случая гостящего по делам пас-

торским в Кремле на митрополичьем подворье. Вся жизнь отца Сергия – непрерывное постоянство самоограничений: соблюдения поста, сухоядения, беспостелия, нелицемерных молитв, искренней кротости, сочувствия к ближним... Си-люю тихих проникновенных слов отцу Сергию удавалось отыскать простой выход из тупиков безнадежных споров и примирения непримиримых.

Получив приглашение, отец Сергей не замедлил возъ-явиться:

– Все жизненные законы изложены в Законе Божьем. Все-го в десяти заповедях. Кратко, но емко. На все случаи жизни. Читайте, внимайте, делайте выводы, но... Любое обвинение должно быть доказано. Нельзя очернить ничье лицо из-за от-сутствия или недостатка улик. Вспомним, как долго иска-ли первосвященники свидетельства против Иисуса Христа, чтобы предать смерти, и не находили... Не ошибиться бы и сейчас. Человек слаб, подвержен искушениям... Вспомним, что сказал Иисус ученику своему Петру: прежде, нежели пе-тух пропоет дважды, ты трижды от меня отречешься! Ви-новный должен надеяться на снисхождение, вспомним, как велика сила молитвы! Однажды, некий правитель осудил на смертную казнь трех граждан. Двое смирились, а третий ис-тово молился всю ночь и чудо свершилось – его помиловали! Вспомним разбойника, распятого на кресте рядом с Иису-сом. Поверил он увещаниям Иисусовым, покаялся и по-лучил жизнь вечную в раю Божьем, где тихо и спокойно в

тени под оливами. Покаяние – очищение совести. Покаяние – завет с самим Господом Богом об исправлении жизни. Покаяние – не только самоосуждение, но и дочь надежды на милость князю. Вспомним, что даже апостол Павел в ожидании смертного приговора не погнушался возопить: зываю к кесарю!.. Так помолимся, братие, понадеясь, что сегодняшней день станет вразумляющим для завтрашнего, дабы недобрые помыслы не возобладали над принятием решения о мерах наказания сына Божьего, несчастного сына последнего тысяцкого...

Осенил преподобный отец Сергей широким крестом притихших мужей боярских, удалился, а ратующие за безоговорочную смертную казнь поумерили свой пыл:

– Ежели мы утвердим смертную казнь, то как будем выглядеть на общем фоне истории? Потомки нам этого не простят...² Да, наказать нужно. Но почему непременно смертью? Надо изыскать другую меру.

– Можно обвиняемого сослать в пожизненное заточение на Лаче-озеро...³

– Да он в ножки поклонится за такую жизнь! На Лаче-озере рай земной: рыба не ловленная, зверье не тронутое, святой источник с горячей водой, а в озере русалки с двумя ногами и без хвоста.

---

² В 21 веке из 195 стран на земле 106 отменили смертную казнь.

³ От Москвы до озера Лаче в Архангельской области, места ссылки неугодных лиц, считается около тысячи путевых верст.

– А мы его туда погоним с хомутом на шее и погонялом поставим сопровождаителя с плетью: шаг вправо, шаг влево считать побегом и по ногам плетью!

– Он привык ездить на коне и окачурится пешком на десятой версте, а наказание жизнью должно быть долговременным... думайте, господа бояре, думайте...

– Можно его унижить принародно, выщипав по одному волоску всю его бороду, до смерти не опомнится!⁴

– У него нет бороды.

– Изыскать бы наказание без применения рук человеческих...

Предложения посыпались одно за другим:

– Затравить собаками... как в Индии.

– Привязать руками к хвосту необъезженного коня... как во Франции. Или закопать заживо, как в древнем Египте!

– Замуровать в стену... как в Испании.

– Засунуть ноги в мешок с голодными крысами... как в Китае.

– Или посадить в бочку с крепкой медовухой и закрыть крышку!

---

⁴ В “Правде Ярослава” – письменном законодательном судебнике, составленном в Киевской Руси приблизительно в 1016 году, в статье под номером восемь говорилось о том, что за нанесения лицу оскорбления в виде повреждения усов или бороды, на оскорбителя налагался штраф – по 12 гривен за усы или бороду... Прошло 584 года, когда однажды московский воевода Бельский неуважительно отозвался о московском царе Борисе Годунове, что, естественно, дошло до ушей государевых. Состоялся суд. Воевода был признан виновным и, привязав его к позорному столбу, по волосинке выщипали у него всю бороду.

Посмеялись. Посерьезнели.

Испили по второму глотку святой воды, принесенной для них в двухведерном кувшине из заповедного водоисточника преподобным Сергием Радонежским, сопроводив возливание жаркою молитвою: “Господи, Боже мой, да будет дар Твой, святая вода, для укрепления душевных и телесных сил. Аминь.”

А куша ть очень хотелось. Пусть не пирога с капустою, а хотя бы хлебушка, пусть и засохшего... Третий день заседатели благоговейно исполняли наложенную на них отцом Сергием епитимию: ничего не вкушать до тех пор, пока господа бояре не примут здравого решения. Воздержание от пищи, как возвещал красноречивый святитель Иоанн Златоуст, есть обуздание гнева, лжи, вражды, праздного пустословия, способствие здравомыслию.

– А вправе ли мы судьями быть? – высокопарно спросил Протасьев, ярый защитник законности. В меру гневлив, в гневе – отходчив, с лицом, а не личиной, со всеми слабостями, присущими человечеству. – Лично я остерегусь этим правом воспользоваться. Судья – лицо беспристрастное, а мой род в давнем родстве с родом Вельяминовых. Разве я могу судить объективно, если отец подсудимого мой друг по делам ратным?

– Невыдержанность и сквернословие тоже препятствия к судейству! – постарался перекричать разноголосый гвалт еще один из голодных заседателей, открывая нужную стра-

ницу толстого фолианта с поучительным изречением, переведенным на русский язык всезнающим толкователем:

– В древней Персии строжайше следили за соблюдением законности. Если судью уличали в получении взятки или ином неблагоприятном поступке, с него прилюдно сдирали кожу и натягивали ее на судейский стул. Лично я не хотел бы сидеть на таком стуле! Так вправе ли мы судить? А ежели осудим, не станем ли палачами? Следует изыскать такое, чтобы и казнь состоялась и жизнь сохранилась у наказуемого! Предлагаю приговорить Ивана Вельяминова к потере личности! Пусть живет где хочет и как хочет, не покидая княжества московского и намертво позабыв кто он есть! Пусть изменит лицо, повадки, голос, походку... Никто не должен знать его истинного имени, родства, прошлого! Пусть погрязнет в неизвестности! Пусть станет живым трупом!

Идея понравилась. Она объединила даже непримиримых братьев Шереметевых, а жалостливый тугодум смахнул с глаз слезу:

– В любом случае князя нашего, Дмитрия Иваныча, выручать надобно. Чистая линия, хорошая наследственность, пра-правнук самого Александра Невского, а угодил в собственную ловушку. Ну, погорячился князь, ну, слово не то вылетело, с кем не бывает...

А найти выход из безвыходного положения никак не догадается. Значит, наш долг – помочь ему таким способом,

чтобы никто не мог догадаться! Думайте, господа бояре, думайте...

И придумали! Вспомнили напутственные слова преподобного Сергия Радонежского о том, что совместная молитва обладает особой силой. Совместная – это когда просящих не менее двух, а их – семеро! В три раза больше! И они трижды произнесли трепетные слова:

– Господи, Боже ты наш милостивый Иисусе Христе... Пречистыми твоими устами ты сказал нам: если двое согласятся просить о всяком деле с чистыми сердцами и помыслами, то чего бы ни попросили будет вам от Отца Моего Небесного... Вразуми Раба Божьего Димитрия на благое действие во имя сохранения законности...

Удачная идея требовала утверждения. Опять же, голосованием. Но иным способом. Принесли с кухни семь белых и семь темных бобов. Крупных, ядреных, гладкоокрашенных. Каждый взял по одному разной масти. Дружно побросали голоса в чью-то шапку бобровую. Потрясли зачем-то, подсчитали... Перебор! Кто-то положил лишний голос... На третий раз получилось правильно. Семь! Но седьмой голос почему-то в полосочку! Кто положил? Да разве узнаешь, голосование-то тайное...

Вспотели господа думцы, княжки выручатели. Распоясались. Шапки скинули. Кто мерлушковую по последней московской моде, кто с лисьей оторочкой, кто с рысьей, кто с песьей, как у будущих опричников Ивана Грозного. Посо-

вещались. Выпили по последнему глоточку святой водицы, прошептали молитву против чревоугодия и, руководствуясь народной мудростью “утро вечера мудренее”, улеглись спать. На скамьях жестких. По епитимии. Укрылись шапками. Дольше всех ворочался заседатель с голосом “в полосочку”, никак не мог уложить свой толстый живот на скамью дубовую. Всю ночь ему снились бараньи ребрышки, икра белужья, севрюжья, щучья, килечная, черная, красная, в полосочку...

Наутро, едва свет брызнул, семеро посвященных отбросив спесивость и гонор с упертостью, единодушно пришли к согласию. К тому же, святая вода кончилась и животы подвело, мочи нет...

Быстренько сочинили грамоту. С первого раза и без всяких поправок о том, как Ивана Вельяминова надо казнить, чтобы в результате помиловать. Самому князю до этого во век не додуматься! Даже на голодный желудок. Воплощение идеи в жизнь с перечислением порядка действий возложили на плечи князя московского, сам кашу заварил, сам пусть и расхлебает. На обороте наставлений бояре поставили свои подписи, пространные, с завитушками, с указанием родства чуть ли не от колена рюрикова. В конце процедуры ретивый защитник своих прав сослался на нервы, заплел бороду в косицу, вскочил с присутственного места, к дверям ринулся. Его схватили за руки:

– Куда? По какой нужде?

– Поестъ бы, кишка за кишку цепляется...

– Как скрепим подписи сургучной печатью на шнуре двухвостом, так и отправимся все вместе. Дружно. На завтрак, обед и ужин. Одновременно...

Князь московский изучил рекомендации и казнь состоялась. Первая на Руси публичная казнь за измену отечеству. На поле Кучковом, до обеда, в последний день августа.

Обнажили и показали народу московскому меч карающий. На солнце блистающий. Обоюдоострый. Поскольку мероприятий такого рода не было, то и палача не было. Меч вручили тому князьему подручнику, на которого пал жребий.

Время остановилось. Народ замер. Меч взлетел вверх и упал наземь! Наземь, на колени пал и тот, на кого пал палаческий жребий:

– Когда с цепи сорвался разъяренный бык, я первым бросился ему под ноги! Когда вспыхнул огнем хозяйственный двор я топором усмирил пламя! Год назад я лихо рубил вражьей головы в битве вожской с мамаевым Бегичем, а сейчас... нет в руках силы духовной, хоть казни меня, хоть милуй...

Человек человека может понять. Если захочет. Московский князь понял. Ему без верных слуг, как без рук. Обернулся к охране в уставных шапках с медвежьей опушкой. В седлах сидят напряженно в ожидании указаний. Дмитрий Иванович ткнул наугад... Под двадцать пятым номером, из числа половецких наемников, понял, спрыгнул с коня, под-

нял с земли меч: кому служит – тому и меч держит, ответил заученно:

– Рад стараться! Жилу порву, а тебе ужогу!

У служивых так и заведено: богу – молитву, князю – службу, жене – все остальное.

Из толпы к помосту подбежал бойкий увещеватель:

– Умел грешить – умей и каяться! В ноги князю вались да народу винись! Кайся! Ничком падай, челом бей, кайся! Смерть без покаяния – собачья смерть!

Приговоренный, хоть и с мешком на голове, но должен слышать. Однако, не падал на землю, не кричал от страха, не выл от ярости. Почему? Всякий человек смерти боится...

Взошел на помост, исполненный благодатным долгом, священник. Готовый принять исповедь несчастного. Публичная исповедь считается покаянием. С ней и умирать легче. Но нечестивец молчал. Не желал излить свои чувства. Зачерствел сердцем, пожелал испить смертную чашу молча.

Где-то бухнул колокол.

Взлетел меч карающий, блеснул ясным солнышком, а к земле упал, окрашенный красной кровушкой...

Казненного похоронили в колоде. Честь по чести. А на-завтра поползли слухи, будто закопали не того, кого казнили, т. е. казнили не того, кого закопали... Слух слушателя всегда найдет. К Ивану-рыбнику новость попала от Никиты-толсто-пузого из скобяной лавки через Семена голутвинского с ря-занского подворья при посредстве шурина с Кукуевой сло-

боды в пересказе шорника, чей дом за низиной у черта на куличиках...

Для выявления первоисточника дознаватель Щур порешил собрать все слухи в одном месте. Вычертил план, отметил крестиком место жительства каждого слухача, определил центр. Точкой пересечения оказалась Ильинка. Неподалеку от Лубянки с Петровкой. На место встречи прибыл загодя. С мерной палкой, улыбкой с прищуром, увеличительным третьим глазом. Сразу окунулся в гущу событий, только успевай запоминать да выслушивать. Была у него такая манера – задать вопрос и молчать, ждать, когда собеседник выговорится, а для поощрения перемежал монолог короткими вставками: э... а... неужели? Особо ценные сведения излагал почти что очевидец:

– Обычно сплю без просыпа хоть с устатку, хоть с угару, а тут проснулся от разговора потустороннего. Один потусторонний другому и говорит: “Давай оставим туточки лицо отчетное. Место тихое, пустынное, приметное, под кустом сиреневым на травке зелененькой и шапку положим под голову. Лицу отчетному это понравится, очнется от ветерка, а шапка под головой...”

– А далее что?

– Проснулся я окончательно. В тишине гробовой. И мыслю теперь, что не зря мне такое приснилось...

Второй очевидец:

– А я проснулся от телег грохочущих. Глянул в окно, ви-

жу, едут в седлах братья Шереметевы. Примиренные, при-
смиренные или смирившиеся? За ними на телегах жены и де-
тишки в слезах. За телегами челядь с криками: на кого остав-
ляете нас, несчастных сирот... Встрепенулся я, из дома вы-
скочил. Через минуту уже знал – обиделись бояре на князя
московского. Обозвал он их мягкотелыми и двоякодышщи-
ми... А за что? За службу верную, за то, что казнили, будто
бы, не то лицо, какое надо бы... От такой обиды они и по-
кидают Москву... Обрадовался я полученному известию и
припустился за ними вслед! До первой заставы бежал!

– А чего бежал?

– Из любопытства. Интересно, все же узнать, в какую сто-
рону братья-бояре двинулись?

– И куда же? В Тверь? – не выдержал затяжной паузы Щур.

– Вот и ошибся, господин хороший! Проводил я их в сто-
рону земли рязанской, явно на службу к рязанскому князю
подались, уж, поверь мне...

Щур поверил, но проверил. Ошибся очевидец. Не в Рязань двинулись обиженные братья Шереметевы и, даже, не в Тверь, а в город Владимир-на-Клязьме! Дознаватель Щур самолично проехал по еще не затоптанным следам до сельца Покрова, что на середине пути меж Москвой и Владимиром. Но, как позже выяснится, и Щур ошибся. И ошибку обнаружит не кто-нибудь, а сам князь московский...

Далее, для скорейшей проверки личности казненного, Щур обратился к своему непосредственному начальству.

Оно – в смежное ведомство. Смежники – лично к князю. Князь – к церкви. Согласовали, раскопали... И что же? Колода есть, а покойника нет! Сам убег или ему помогли, или его, злыдня, даже мать сыра-земля не захотела принять? Вопросы есть, ответов нет. Лишь предположения да разговорчики, будто казнили не Ивана Вельяминова, а лицо подменное. Откупился, дескать, сын тысяцкого звонкой монетой, нашел себе замену. Потому и мешок на голову надели подмененному, чтоб не узнали, и молчал казнимый потому, что язык ему вырвали! Осуществилось, о чем неделю назад предрекал тугодумный боярин, как в воду глядел! И не только один человек, а трое, нет пятеро, видели на Васильевском спуске живого казненного! Ходячего! Утром ему голову отрубили, а вечером он уже шлялся по московским улицам. Возле каждого столба нужду справлял, с каждым встречным лез обниматься!

– Без головы?

– С головой! И в шапке с собольей оторочкой!

– Быть не может! Я сам видел, как покатилась с плеч его голова!

– А я сегодня столкнулся с ним лоб в лоб за старым мостом под стеной кремлевской! Не всякому выпадет удача встретить столь именитого покойничка! Пока он в Тверь не убежал, мы с ним не один год дружились. Стенкой на стенку вместе ходили, оба за одну красну девицу сватов слали... И захотел я с ним поздороваться, ему в глаза бесстыжие по-

смотреть – он ту девицу из-под венца у меня увел. Наклонился к нему, заглянул под шапку, а под шапкой у него...

– Пусто?

– Голова-то есть, а лица нет! Глаза красные, губы синие, уши зеленые и нос всмятку! Не лицо, а рожа ублюдочья! Из рта гнилью несет и клыки торчат вурдалачьи! Подошел-то я к нему из-за шапки его примечательной. С оторочкой из редкостного золотого соболя – одна такая на всю Московию! И возродился у меня вопрос: каким образом эта шапка приметная оказалась на голове ведьмака с глазищами красными? Не иначе, украл выродок шапку у казненного! Пока я сам себе вопросы задавал – исчез оборотень. Испарился, растворился! Вместе с шапкой...

Ища сочувствия, огляделся рассказчик по сторонам, узрел всадника на коне приземистом с рыжим хвостом и заорал ему вслед дурным голосом:

– Эй, проезжий, чего морду воротишь и глаза прячешь? Отвечай по-быстрому, откуда на твоей голове шапка казненного сына тысяцкого? Неужто ограбил покойника? Куда побег-то? Эй, православные, держи вора, на нем шапка горит!

Всадник услышал, пришпорил коня, врезался в толпу, размахивая плетью направо-налево, взад-вперед и поперек...

* * *

Едва ноги унес от разъяренных зевак Олег Иванович,

князь рязанский, любитель одиноких поездок. Без охраны и в одежде не княжеской. Ни оружия при нем достойного, ни удостоверения личности... Попробуй доказать толпе, что ты есть князь и шапка на твоей голове твоя собственность. Личная, видимая, не снимаемая и, значит, недвижимая. Отороченная золотым рысьим мехом с серебряной проседью – одна такая на всю рязанщину!

Подумать только, что из-за шапки, на другую похожей, князь рязанский своей головы мог лишиться!

Эпизод 6

Пришельцы. Земные и небесные

1379 год

На перепутье лета с осенью приостановил своего коня князь рязанский, посмотреть-проверить как жизнь течет-движется, все ли в порядке на земле приокской...

Вдруг, нечто вылетело из низкой тяжелой тучи и плюхнулось в пограничье воды с сушей! Грязь с брызгами деревьев выше! И вновь тишь, гладь да благодать: лес, река, в засаде стрекоза с большими круглыми глазами, отлетных журавлей прощальный круг и листья с березок летящие, ну, как обойтись без березок?

Прошли ватажники с добычей в плетенках. У кого клюк-

ва-ягода, грибы-боровики, у кого раки шевелятся. В отдалении, в тени деревьев княжья охрана, полагающая, что князь рязанский их не видит.

Ворон вскрикнул! Из-за мыса за излучиной вниз по реке самотеком три лодки выплыли. Княжий конь наострил уши, кого усмотрел своим круговым зрением? Пригляделся и всадник... Ого! На передней рулит сам князь московский! Башковитый, сановитый, хватистый...

Окликнул его Олег Иванович, рукой махнул, дескать, заворачивай, гребки к берегу на сходни, к пристани! Тот понял, но сплеховал, попал в стремнину, где две струи водоворотят, противоборствуя друг другу. И ветер сменил направление, полоснул волною в лицо. Лодку качнуло, борт дал опасный крен и князь московский ухнул в воду! По горлышко! Выбрался на берег, отряхнулся – на солнце теплынь, но вода-то мокрая! Пока облачался в сухую одежду конвойного, туча на небе пустила слезу и пришлось бежать, чтобы не вымокнуть снова. По ходу бега Олег Иванович донимал пострадавшего вопросами:

– И куда твой конвой глазами глядел? И сам почему, весло из рук выпустил?

– В подводной коряге застряло весло, ни туда, ни сюда, ни назад, ни обратно...

– Коряга, похоже, живая... С хвостом и плавниками... Кадомский сом здесь балует, водяным притворяется. Щука, хоть и зубастая, но к человеку уваженье имеет, а сом хозяи-

ном себя чувствует, чуть что не по нем – на дно или в траву добычу утянет. И сам вроде змеи: без чешуи, голый, гладкий, скользкий и дышит шумно...

Далее выяснилось, что путь князя московского лежит в Суздаль, к тестю. С делом сугубо личным, а не государственным... Что повлияло на князя московского, купание незапланированное или от простуды крепкая медовуха, только потянуло его на откровения:

– Накануне казни сына последнего тысяцкого, два часа я ему вдалбливал свое последнее слово. Он слушал, кивал, соглашался, поддакивал, а сам пристально смотрел на мой золотой пояс, надеваемый в особых случаях, и считал на нем камни драгоценные... Шесть рубинов величиной с вороний глаз насчитал, восемь изумрудов размером чуть помнее, двенадцать алмазов бриллиантовых в жемчужном оперении и заявил, что дома в отцовом сундуке лежит точно такой же золотой пояс чешуйчатый с точно такими же камнями! Что этим заявлением он хотел выразить? Однако, при описи имущества казненного, пояса с камнями не оказалось. Куда пояс запропастился? Пояс не перстень, в щель не закатится... Возник вопрос, откуда мог появиться двойник моего пояса или у сына тысяцкого перед казнью в глазах двоилось? Не княжье дело заниматься дознанием, а поручить сыскарию то же самое, что показать пескарию наживку щучью. Пойдет дознаватель кругами, наткнется на след ожившего казненного и таких дров наломает...

Дмитрий Иванович мыслил в правильном направлении, но, как и всякий дилетант, споткнулся, свернул не в ту сторону, не довел расследование до конца. Иначе, поверил бы в существование двух одинаковых поясов, один из которых с фальшивыми камнями. Тот, что опоясывал его живот в особо торжественных случаях. Подмененный на его собственной свадьбе почетным гостем – последним московским тысяцким! Отцом казненного... Только через шестьдесят лет всплывет эта история. На свадьбе Василия Косого, внука Дмитрия Ивановича, что послужит причиной военного конфликта между дядьями и племянниками с позорным двойным ослеплением. Но сам Дмитрий Иванович до этого не доживет...

Разоткровенничался князь московский о делах семейных, а они государственными оказались. Повздыхал Дмитрий Иванович, переключился на другую тему. Тоже государственного значения:

– Осведомители донесли, будто к тебе, Олыг Иванович, переметнулось от меня два именитых боярина. Имеют право. Да и я не против. Скандалисты, смутьяны, правдоискатели...

– Не отказал им, – подтвердил Олег Рязанский, – принял, честь по чести. Ты же сам не раз говорил: пришел к тебе человек, радуйся! Обмой, накорми, дай ему безвозмездно топор, пилу, лопату, землю дай гулящую – пусть обустроивается. Что я и сделал. А причину переезда не выпрашивал, не те птицы перелетные...

– И правильно. Всяк знает, что на одно и то же событие у двух лиц есть три мнения. – Перевел гость взор на потолок из тесаных уголком сосновых бревен, отчего они светились даже при малом свете, и стал рассказывать с горячностью, как после казни сына тысяцкого всерьез перессорились меж собой думские бояре, главная опора трона московского. Из-за расхождения взглядов, касаемых лишения человека жизни путем казни и права человека на эту самую жизнь. Два союза организовали, думскую стольную на две части перегородили... На взгляд князя московского, союз – это крепко сжатый кулак, а не пальцы растопыренные!

После короткой незапланированной паузы Дмитрий Иванович продолжил свой монолог:

– Один раз пошел у них на поводу, так они изготовились на шею сесть. Дескать, у них работы невпроворот и расширились до девяти человек, четвертую скамью к столу приставили, для выработки устава, по уточнению состава, распределения обязанностей. И снова песня не в лад. Одни за расширение своих полномочий, другие – за укорочение своих обязанностей с возложением последних на главенствующее лицо. Разве серьезны их уверения, будто пятеро мыслят лучше семерых, а трое лучше пятерых? И в результате учредили должность главаря, лучше всех остальных думающего!

– И кого выбрали?

– Вовек не догадаешься! Чтобы не зреть во главе себя никого из противоборствующих сторон, назло друг другу, всу-

чили бразды управления ими, молодому...

– Толковому...

– Бездарному отпрыску старинного рода боярского, в жилах которого течет всего одна капля крови рюриковой и ничего более. Хотим сына Михалыча, дружно прокричали они за самим себе навязанного возглавителя! Доверили коту рыбицу... Пусть сначала наведет порядок на своей усадьбе, чтобы у его коров был коровий удой, а не козий! Мне в хомуте княжеском тоже не легко ходить, но терплю, опереться-то не на кого, каждый в свою сторону одеяло тянет. Второй месяц указ выдумывают, обязующий всяческое лицо в оговоренный срок уведомлять о своих доходах с пахотной земли, с лесных угодий, с поголовья дикого зверья, ремесленных промыслов, торговых махинаций...

Внимал Олег Иванович сетованиям гостя московского, вздыхал, ус щипал левый, чего только в горячке не наплетет лицо, властью облеченное...

Если заглянуть в глубокую трещину прошлых тысячелетий, то обнаружим, что главные князья советчики не изобретали ничего нового. Доходы, налоги, взыск – три зубра, на которых зиждется любая власть. Еще при египетских фараонах до тьмы египетской существовал закон с предписанием своим подданным: под страхом смертной казни оповещать администрацию фараона о состоянии своих доходов по всем видам деятельности... Князь московский об этом не слышивал, иначе вскипел бы, вошел в раж, а не жевал вяло блины,

заеда раками.

– Все же ты зря погорячился, изгнав строптивцев, – заметил хозяин.

– Я? – от удивления у гостя из рук даже рак выпал. – Они уехали по собственному желанию! Добровольно! Ишь, страдальцами прикинулись, беженцами!

– Для кого беженцы, а для меня – пришельцы, – возразил Олег Иванович, – пришлые люди упорные, рукастые, головастые, смекалистые!

– Бездельники и лентяи! – раскипятился Дмитрий Иванович, – не счесть, сколько их по дорогам шляется! На жалость бьют, дескать, они не сами уехали-и-и, их, несчастных, выгнали-и-и... Там – выгнали, тут – не приживаются. Не взгляды попристальней, не разберешь, кто бродяжничает? Беглец ли от суда праведного, воин увечный без семьи оставшийся, попрошайки извечные или переселенцы на целинные подсечные земли? Погорельцы или лица разбойные под лицами богомольцев-странников? Приобвыкли жить подаянием на хлеб, на соль, на косточку, на крещение – прощение, на прирост, на погост, на домовину, на церкву Божию...

– Нужда заставит Богу молиться, а понапраслина – отрыгнется!

– И я о том же! У каждого второго свои отговорчики: то седло последнее свинья сжевала, то плетку куры склевали, то озеро до дна выгорело... Поверишь и последнюю рубаху отдашь.

– И я так думаю! Отдай и не вспоминай о благодеянии.

– Верно! Не оскудеет рука дающего... Однако, надоели байки об одном и том же. Настоящая нужда молчалива.

– Один господь Бог без греха... Не спеши делать скороспешные выводы. Обоснуются на новом месте людишки пришлые и через какое-то время своими станут, как и произошло с выходцами из-под Ростова Великого, пристанище обретшие в сельце Радонеж при московском князе Иване Калите, и кем впоследствии стал один из них? Благодетельным Сергием Радонежским, светильником духа русского! На пришлых людях земля держится!

По-разному складывалась жизнь пришельцев. Взять к примеру реку Мологу в приверховье Волги. Когда-то там рыба была не ловленная, зверь лесной не тронутый и людей на полтысячи верст раз-два и обчелся. Потом со стороны Великого Новгорода пришли на Мологу люди и осели. Но не ранее 859 года, года возникновения самого Новгорода. Может перевыборы посадника расслоили интересы жителей и часть горожан решили переселиться. Или в результате экономических потрясений, когда Садко, глава новгородского купечества, поймал в Ильмень-озере за хвост птицу счастья – рыбку с золотыми перьями, разбогател, а потом разорился... Или не выдержали новгородичи голодухи с едой из древесной коры, мха с лишайником да липовых листьев... А если целью ухода было освоение новых земель, то свое новое место жительства они вряд ли обозвали бы Бежецком.

Местные жители чужаков не очень-то жалуют и привечают. Поэтому пришельцы старались селиться на отшибе. Так и появилось на свет селение Бежичи. Жили, здравствовали, детишек выводили. Поначалу они сами по себе были. Потом пошли по рукам. В 1332 году Бежецкий верх примкнул к себе московский князь Иван Калита, а в 1371 году – тверской князь Михаил.

Время колесом катилось и вдруг в 1935 году им пришлось испытать новое переселение! При сооружении Рыбинской и Угличской ГЭС с водохранилищем; 130 тысяч жителей округа было выселено с земель затопляемых. Ушла под воду и река Молога, что ж, вода не потеет...

А град Китеж ушел в воду по собственной воле. Его построил владимирский князь Юрий Всеволодович на берегу озера Светлояр посреди лесов кондовых меж Ветлугой-рекой и Керженцом, левых притоков Волги.

Увидел хан Батый град Китеж и обомлел! Купола церквей блестят-играют неземным светом, колокола бьют-поют неземным звоном... Ринулся к нему хан Батый, чтобы пожечь-разорить-изничтожить град Китеж, как разорил Пронск, Рязань, Коломну, Москву, Ярославль, Суздаль, Владимир, Торжок, Козельск, Чернигов, Киев...

Но что это? На глазах батыевых воинов скрылся в водах озера Светлояр град Китеж! С домами, с жителями, с колокольным звоном... Ни себе и никому! Чисто по-русски!⁵

---

⁵ В 1903 г. возле деревни Шары в районе Светлояр-озера, где утонул град Ки-

Так по ком звонили колокола Китежа, если название его на языке марийского народа означает “пришелец”?

Откуда, с каких мест появились китежские пришельцы? Кто были они? Мирные миряне или завоеватели, что расплодись безмерно, растворили в себе аборигенов? Нет ответа. Молчит Волга-река...

Минет триста лет и в лесах Руси Китежской пришлого человека станут называть по-русски понятно: “чужанин”, “сходец” или “кержак” – прозвище старообрядцев-раскольников, гонимых непреодолимой страстью сохранить в кержацкой глухомани чистоту своей веры.

Но другим местам в пришельцах числились всякого рода скитальники, приبلудники, шатуны, мерзляки, переметчики, бежаки, выжиги... В Сибири новеньких пришляков окрестили “свежаками”. А рязанские глухари, сбежавшие в глухие кадомские леса от жизненных неурядиц, на сухом канцелярском языке фигурировали как тати, гультаи, утеклеты...

С тех пор и гуляют приговорочки: кто пришел в Кадом – окадомился, кто в Криушах осел – окриушился, а ушел в Моршу – оморшанился, махорочка-то моршанская так слад-

---

теж, жители были напуганы треском и шумом. По сообщениям газет, обыватели-черемисы бросились в лес, откуда исходили непонятные звуки, и увидели, что посреди леса образовался провал земли в 200 квадратных сажений, настолько глубокий, что там бесследно скрылись большие деревья. Впоследствии ученые выяснили, что район озера лежит в узле пересечения двух глубинных разломов. (В. Мезенцев, Энциклопедия чудес, М., 1988 г.)

ка, аж, горло дерет...

Поразмышляв на эту животрепещущую тему, князь московский, как бы между прочим, проронил:

– А ведь мы с тобой, Ольг Иванович, тоже люди пришлые... не я и ты в конкретности, а предки наши.

– Истинно, – поддержал хозяин, – град мой Переяславль-Рязанский основал в 1095 году князь Олег Святославич, внук Ярослава Мудрого, а твой град Переяславль-Залесский поставлен Юрием Долгоруким, другим его внуком. Мало того, что мы выходцы из Руси Киевской, так еще и родственники, пусть очень и очень дальние.

– Все мы дети Адамовы... одни уходят, другие приходят, круговорот... И в связи с этим возник у меня вопрос: каким образом два моих беглых боярина, едучи в Суздаль по дороге владимирской, как сквозь землю провалились возле сельца Покрова и у тебя оказались?

– Эка невидаль! На мою Рязанщину с севера несколько дорог идут и каждая со своим характером. На центральной по весне землю вспучивает и сила некая выдавливает на поверхность черепа людские в шлемах неведомых, бычьи рога золоченые, птичьи крылья с железными перьями...

В доказательство из древнехранилища принесли плоский камень с отпечатком ступни человеческой на четверть длиннее нежели у людей нынешних. Чей след? Первопоселенца этих мест, пришельца или проходимца? Победителя или по-

бежденного?⁶

Принесли и поставили на пороге несколько полусаженных деревянных обрубков, местами обугленных. На отесанной стороне подобие лика с открытым ртом, закрытыми глазами и третьим оком на затылке отверзнутым, назад смотрящим. Что есть они, эти бородатые чурки со сложенными на животе руками? Болваны с могилица? Племенные кумиры? Народные вожди? Межевые охранители? Чуры? Щуры? Пращуры? На их тыльной стороне порезы и вмятины – зримые следы напоминания кумиру об выполнении взятых на себя обязательств. К их ногам бросали людей, их медные лбы мазали жертвенной кровью, от них отрекались, сбрасывали с пьедесталов, жгли, били, казнили... Князь киевский Владимир Красно Солнышко, крестясь сам и окрестив Русь, бросил в Днепр двухсаженное изваяние прежнего божества с серебряной головой и золотыми усами. Идол из дерева не желал тонуть и плыл, плыл, пока не затаился в одном из днепровских порогов. По сей день его безуспешно ищут кладоискатели...

---

⁶ По сей день почитаемы следы, якобы, оставленные великими личностями. Отпечаток ступни Геракла в скале возле р. Тирас, древнегреческого названия р. Днестр. В Бирме, на Мандалайской горе – стопа Будды. В Мекке, неподалеку от Каабы след, который мусульмане приписывают пророку Ибрагиму (Аврааму). В Иерусалиме – следы ступней Иисуса Христа. В Тибете – стопа Цзонкабы, основателя ламанизма. На горе острова Цейлон – след, оставленный Адамом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.